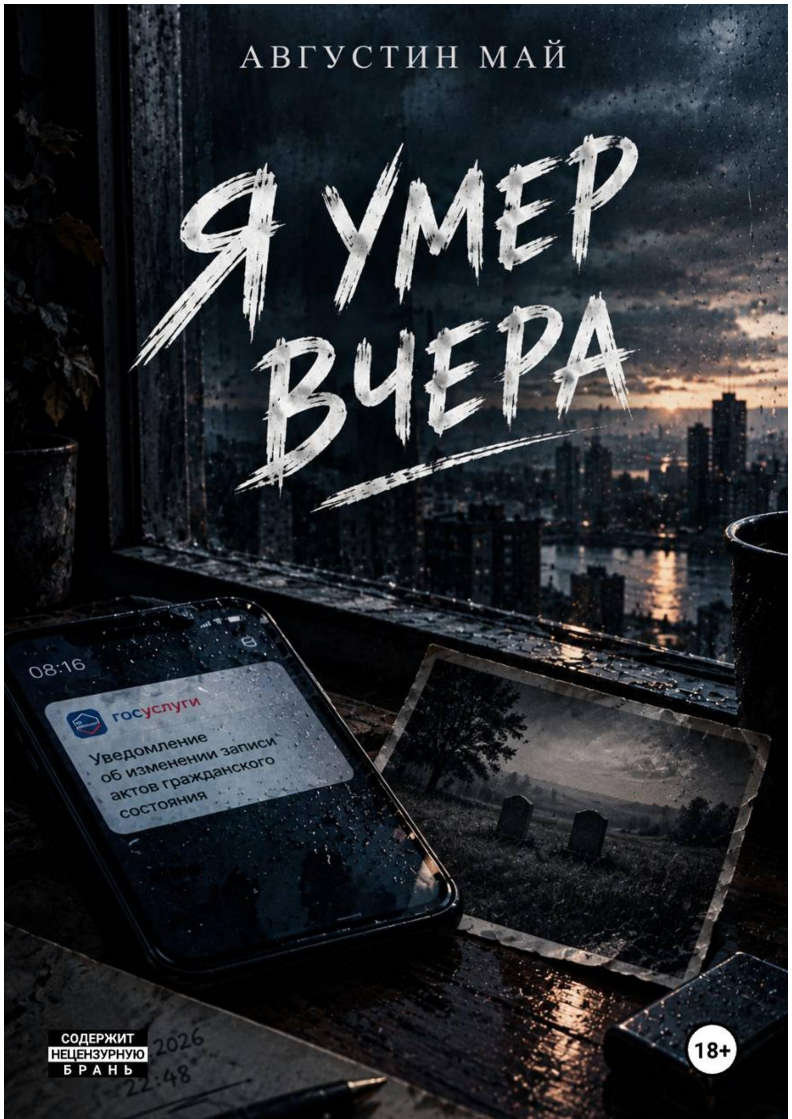
АВГУСТИН МАЙ

Я УМЕР ВЧЕРА

Августин Май

Я умер вчера

https://litres.ru/74965514
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Воронцов - обычный мужик, которому не повезло умереть.

Сам он, правда, об этом не знал. Узнал из уведомления на Госуслугах.

Теперь ему предстоит разобраться, как можно числиться мёртвым, продолжая жить, почему собственная мать отказывается его узнавать и зачем бывшая девушка так отчаянно пытается уберечь его от правды.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	76
Глава 6	90
Глава 7	105
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Августин Май
Я умер вчера

Пролог

Лена нашла фотографию случайно.

Она разбирала шкаф в воскресенье, когда решила наконец избавиться от вещей, которые годами таскала с собой из одной квартиры в другую. Старые чеки, какие-то инструкции от давно сдохшей техники, брошюрка из Праги, которую ей никто не отправлял, и несколько фотографий, распечатанных ещё до того, как телефон окончательно победил фотоаппарат.

На одной из них была она сама.

Лена сидела на капоте машины, щурилась от солнца и показывала кому-то средний палец. Рядом стоял мужчина, которого она сначала даже не заметила.

Она перевернула фотографию.

На обороте была дата: 17 августа 2019 года.

И подпись её почерком:

«Первый нормальный отпуск за пять лет. Андрей опять забыл зарядку».

Лена перечитала подпись. Потом ещё раз. Имя показалось знакомым.

Не просто знакомым - почти родным. Оно зацепилось где-то внутри, как слово, которое долго не произносишь, но почему-то всё ещё помнишь.

- Андрей..., - произнесла вслух и сама удивилась тому, насколько естественно прозвучало имя.

Лена снова посмотрела на фотографию.

Мужчина рядом с ней был размыт. Не так, как бывает на старых снимках. Лицо вообще невозможно было разглядеть. Будто камера в последний момент решила не записывать его.

Она приблизила фотографию к свету.

Нет. Ничего.

Лена достала телефон и открыла галерею. Там было несколько фотографий с того же отпуска. Она пролистала их одну за другой.

На первой они стояли возле машины. На второй сидели в кафе. На третьей Лена лежала на траве и смеялась. На четвёртой был только пейзаж.

Лена остановилась. Она вернулась к первой.

Мужчина возле машины исчез. Не стал прозрачным. Не размазался. Просто исчез.

Теперь Лена стояла возле автомобиля одна.

Она открыла вторую фотографию. Тоже одна. Третью. Одна.

Лена почувствовала неприятный холод в груди и снова посмотрела на подпись.

«Андрей опять забыл зарядку.»

- Да кто ты, блин, такой? - в сердцах вслух спросила она.

И в этот момент ей позвонили. На экране высветился номер, которого не было в контактах.

Лена долго смотрела на него, прежде чем принять вызов.

- Алло?

Несколько секунд в трубке ничего не было. Потом она услышала дыхание. Тихое, спокойное.

- Лен?

Она замерла. Голос был знакомым.

Настолько знакомым, что сердце сразу узнало его раньше головы.

- Андрей?

На том конце коротко рассмеялись.

- А я думал, ты уже забыла.

Лена закрыла глаза. Всё вернулось сразу.

Не воспоминания - скорее их обрывки. Кухня. Старый диван. Андрей, который однажды два часа пытался починить кран, а потом заявил, что сантехнику придумали люди, ненавидящие человечество. Его привычка оставлять кружку возле компьютера. Как он смеялся, когда нервничал. Как однажды среди ночи спросил, что она будет делать, если он внезапно исчезнет.

Она тогда ответила: «Найду и убью». А на встречный вопрос, если он будет мертв: «Из-под земли достану, воскрешу и убью!»

Он засмеялся.

- Ты помнишь меня?

Лена не смогла ответить сразу. Потому что пока он говорил, фотография в её руке пустела на глазах.

Она посмотрела на неё.

Теперь на снимке не было даже пустого места рядом с ней.

Просто Лена. Машина. Дорога. Солнце.

- Помню, - сказала она наконец.

В трубке стало тихо.

- Хорошо.

- Где ты?

- Не знаю.

- Андрей, хватит. Где ты?

Он снова рассмеялся, но теперь в этом смехе не было ничего весёлого.

- Ты знаешь, что самое смешное?

- Что?

- Я всё это время думал, что пытаюсь доказать, что жив.

Лена молчала.

- А оказалось, что я пытаюсь доказать, что когда-то существовал.

Она почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

- Ты существовал.

- Да.

- И ты существуешь сейчас.

Он долго ничего не отвечал.

Потом спросил:

- А ты помнишь, как я выгляжу?

Лена открыла рот, но ничего не смогла ответить.

Она пыталась представить его лицо. Не фотографию. Не голос. Не силуэт.

И не могла.

Она помнила руки. Помнила куртку. Помнила смешную привычку щуриться, когда он не понимал, что происходит.

Но лица не было. Совсем.

- Лен?

Она вытерла слезу.

- Помню.

Сказала это уверенно.

Так уверенно, будто могла заставить этим словом весь мир остановиться.

- Хорошо, - ответил Андрей.

И отключился.

Лена ещё долго держала телефон возле уха. Потом посмотрела на фотографию.

Она больше не знала, кто такой Андрей. Знала только, что когда-то очень его любила.

Этого оказалось достаточно.

На кухне часы показывали 23:48.

Лена посмотрела на них и почему-то подумала, что где-то сейчас человек сидит в темноте и ждёт, пока его окончательно забудут.

Она встала, подошла к окну и открыла его.

Холодный воздух ударил в лицо.

- Я тебя помню, - сказала она в пустую ночь.

И впервые за весь вечер ей показалось, что где-то далеко, почти на границе слышимости, кто-то ответил:

- Прощай.

Глава 1

Телефон завибрировал где-то под подушкой.

Андрей не сразу понял, что проснулся. Сон начал расползаться, уступая место неприятному осознанию: будильник, кажется, уже звонил, а значит от утра никуда не деться.

Не открывая глаз, Андрей сунул руку под одеяло. Пальцы несколько секунд шарили по простыне, цеплялись за край подушки, нащупывали складки ткани и наконец добрались до телефона. Он кое-как попал по кнопке, выключил вибрацию и уронил аппарат обратно на кровать.

Тишина вернулась почти сразу.

Андрей успел перевернуться на другой бок и снова провалиться в сон, когда телефон задрожал во второй раз.

- Да блядь...

На этот раз он вытащил его из-под подушки и, щурясь от яркого экрана, посмотрел на время.

8:16.

Он некоторое время сидел на кровати, тупо глядя перед собой. Требовалось немного времени, чтобы принять неприятный факт: рабочий день уже начался, а Андрей все еще сидел, скрючившись, на краю кровати.

За окном стояло серое утро. Из тех, что не столько наступают, сколько нехотя просачиваются в квартиру сквозь щели между шторами. В комнате было прохладно, одеяло приятно

грело ноги, а вставать ужасно не хотелось.

Потом он увидел уведомление от «Госуслуг».

Большим пальцем Андрей уже потянулся смахнуть его, но случайно нажал, и приложение просто открылось:

В Единый государственный реестр была внесена запись о смерти гражданина. Ниже стояли его фамилия, имя, отчество и дата рождения.

Андрей несколько секунд смотрел на экран, не двигаясь. Потом закрыл уведомление, подождал и открыл снова. Сообщение никуда не исчезло. Оно по-прежнему находилось на экране и выглядело вполне официально.

- Очень смешно.

Он посмотрел на время. 8:16. Потом снова на телефон.

Первой мыслью было, что это мошенники. Второй, что кто-то каким-то образом получил доступ к его аккаунту. Третья оказалась несколько сложнее: где-то произошёл настолько чудовищный сбой, что даже государство решило начать утро с чёрного юмора.

Мысль о том, что он действительно умер, Андрей даже не рассматривал.

Во-первых, это было бы физически неудобно. Он сидел на кровати, дышал, мёрз и хотел в туалет. Во-вторых, смерть вообще казалась ему довольно простой вещью. Когда-нибудь умрёт - это понятно. Все когда-нибудь умирают. Желательно попозже. Ещё лучше - после того, как выплатит кредит.

Андрей потёр лицо ладонями и наконец поднялся.

Пол встретил босые ноги неприятным холодом. Он поморщился, натянул домашние штаны, которые ночью сползли почти до колен, и, шаркая, направился на кухню.

В квартире пахло вчерашним кофе и табаком. Последнее было особенно обидно. Андрей не курил уже три месяца. Точнее, почти не курил. Пара сигарет в день не считается.

На кухне его встретило всё то же серое утро. Окно осталось открытым со вчерашнего вечера: Андрей собирался проветрить комнату перед сном и, разумеется, забыл закрыть его. Теперь же он сразу съежился и торопливо пошел закрывать его. На подоконнике стояла пустая кружка, возле неё лежала пачка сигарет, которую он собирался выбросить уже около недели.

Он закрыл окно и посмотрел вниз.

Во дворе уже началась обычная утренняя суета. У подъезда мужчина ворчал на машины, мешающие проезду, а женщина в пуховике торопила ребёнка, который явно не разделял её желания поскорее добраться до школы. На балконе напротив кто-то вытряхивал коврик, и пыль медленно оседала на припаркованные внизу автомобили. Из открытого окна соседнего дома доносился телевизор.

Андрей вернулся к телефону, открыл приложение «Госуслуг» и вошёл в личный кабинет. Пока загружалась страница, он ещё надеялся увидеть что-нибудь привычное и успокаивающее:

«Произошла ошибка. Попробуйте повторить позже».

Вот это было бы прекрасно. Ошибка означает, что ничего не произошло и можно спокойно закрыть приложение, забыв о случившемся до следующего уведомления.

Но страница открылась без ошибок.

В уведомлениях действительно находилось сообщение о смерти.

Андрей пролистал его ниже. Там была кнопка:

«Получить электронную копию документа».

Он посмотрел на неё несколько секунд.

- Нет. Не надо.

Телефон зазвонил.

На экране высветился рабочий номер. Андрей перевёл взгляд на часы.

8:23.

- Вот теперь началось.

Он ответил.

- Да?

- Андрей Сергеевич?

- Ну.

- Доброе утро. Это отдел кадров.

Андрей прикрыл глаза. Утро, судя по всему, решило не ограничиваться одним неприятным сюрпризом.

- Я уже понял, что не очень доброе.

На том конце провода повисла короткая пауза. Женский голос стал заметно осторожнее:

- Вы сейчас дома?

- А где мне ещё быть?

- Нам нужно, чтобы вы сегодня подъехали в офис и забрали личные вещи.

Андрей нахмурился.

- Какие вещи?

- Ваши. Из кабинета.

- А что с ними?

- Мы всё подготовили. Пропуск тоже нужно вернуть.

Он посмотрел на телефон, потом на собственные руки, будто ответ на вопрос мог обнаружиться где-то между пальцами.

- Подождите. А почему я должен забирать свои вещи?

- Андрей Сергеевич...

Женщина явно не знала, как продолжить. И вот это ему уже не понравилось.

- Если вы сейчас скажете, что я уволен, я расстроюсь.

Женщина не ответила.

Пауза затянулась всего на пару секунд, но Андрей успел почувствовать, как внутри что-то неприятно шевельнулось.

- Простите, но ваш трудовой договор прекращён в связи со смертью работника.

Андрей перестал улыбаться.

На кухне вдруг стало очень тихо. Холодильник продолжал гудеть, но он почему-то перестал его слышать.

- В смысле?

- В связи со смертью.

- Я понял слова. Я не понял смысл.

- В реестре есть соответствующая запись.

Андрей медленно опустился на стул. Деревянное сиденье неприятно холодило через домашние штаны.

- Когда я умер?

Женщина замялась.

- Вчера.

Андрей посмотрел в окно.

Тот же мужик всё ещё ругался возле машины. Женщина в пуховике уже скрылась за углом вместе с ребёнком. Кто-то вынес мусор и теперь стоял возле контейнеров, выбирая, куда бросить пакет. Никто не выглядел так, будто вчера умер тридцатипятилетний Андрей Сергеевич Воронцов.

Это было даже немного обидно.

- Слушайте, - сказал он наконец. - Я сейчас не совсем понимаю, это какая-то шутка или...

- Я не знаю, Андрей Сергеевич.

В её голосе впервые появилась настоящая растерянность.

- Поэтому и звоню вам.

- Хорошо, давайте обсудим, что я должен сделать на данный момент, а потом я разберусь с этой нелепой ошибкой.

После этого они ещё несколько минут обсуждали совершенно обычные вещи. Когда ему приехать, кому отдать пропуск, можно ли забрать вещи сегодня или лучше завтра, нужно ли расписаться в какой-то бумаге. Андрей отвечал автоматически, почти не слушая. Ситуация была настолько аб-

сурдной, что мозг просто отказывался подбирать для неё подходящую реакцию.

В какой-то момент он поймал себя на том, что обсуждает с сотрудницей отдела кадров удобное время для получения личных вещей после собственной смерти. И, что самое неприятное, разговор шёл вполне конструктивно.

Наконец они попрощались.

Андрей положил телефон на стол и ещё некоторое время сидел неподвижно, глядя на пустую кружку.

- Ну... охуенно.

Он поднялся и поставил чайник.

Руки немного дрожали. Совсем чуть-чуть - настолько, чтобы можно было списать всё на холод, недосып или последствия вчерашнего кофе. Впрочем, причин для дрожи теперь было предостаточно. Андрей всегда любил, когда у неприятных вещей находилось несколько объяснений.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз пришло сообщение от банка: «Доступ к счетам ограничен в связи с получением информации о смерти владельца».

Андрей перечитал уведомление. Потом открыл банковское приложение.

Баланс был на месте. Деньги никуда не исчезли. Просто теперь они принадлежали человеку, который, судя по всему, не имел права ими пользоваться.

Он попробовал оплатить мобильную связь. Ошибка. От-

крыл кредитный счёт - доступ ограничен. Попытался перевести тысячу рублей на другой счёт. Операция отклонена.

Андрей посмотрел на чайник.

Тот как раз закипел и с довольным щелчком отключился.

- Ну зато хоть ты живой.

Чайник, разумеется, никак не отреагировал.

Андрей налил кипяток в кружку, бросил туда пару ложек растворимого кофе. Первый глоток оказался безвкусным. Он нахмурился, сделал ещё один и понял, что лучше не стало.

Поставив кружку на стол, он посмотрел на телефон.

Вот теперь ему стало не по себе.

Андрей снова открыл «Госуслуги». На этот раз уже без особой надежды найти ошибку. Нажал на документ, и файл загрузился почти сразу.

Вверху стояло его имя.

Воронцов Андрей Сергеевич.

Он начал читать, почти не понимая, что именно ищет, пока взгляд не зацепился за одну строчку.

Андрей остановился.

Вернулся глазами назад.

Прочитал ещё раз.

Дата смерти: 23 августа 2026 года.

Ниже:

Время: 23:48.

Андрей медленно откинулся на спинку стула.

Вчера в 23:48 он был дома. Он помнил это. Не приблизительно, не в духе «кажется, наверное». Помнил совершенно отчётливо.

Сидел на диване и смотрел какой-то совершенно тупой ролик на YouTube. Потом встал, пошёл на кухню, налил воды, вернулся в комнату. Он даже помнил, что после этого написал Лене.

Андрей открыл переписку.

Последнее сообщение действительно было отправлено в 23:52.

Лена: «Ты опять не спишь?»

Он ответил в 23:54:

«А ты?»

Андрей пролистал разговор выше. В 23:48 ничего не было. Никаких звонков, никаких сообщений. Ничего.

Он сидел дома. Дышал. Смотрел видео. А официальный документ утверждал обратное.

Андрей положил телефон на стол и некоторое время смотрел на него, словно тот мог самостоятельно объяснить, каким образом умудрился испортить ему утро настолько основательно. Потом поднялся и направился в ванную.

Андрей посмотрел в зеркало. Тридцать пять лет. Щетина. Помятые волосы. След от подушки на щеке. Лицо человека, который слишком рано встал и уже успел пожалеть об этом.

Никакого призрачного свечения, никакой мистической дымки.

Андрей поднял руку. Отражение повторило движение. Он провёл ладонью по лицу, затем приложил пальцы к шее.

Кожа была тёплой, а пульс ровным.

Он смотрел на себя в зеркало, пытаясь обнаружить хотя бы один признак того, что официальная версия событий имеет под собой какие-то основания.

- Ну и какого, собственно, лешего?

Собственный голос прозвучал в маленькой ванной слишком громко.

Андрей вернулся на кухню и снова открыл «Госуслуги». Потом банковское приложение. Затем рабочую почту. Потом опять «Госуслуги». Он несколько раз обновлял страницы, будто настойчивость могла исправить реальность.

Ничего не менялось.

Он умер.

Нигде не было слов «возможно». Никто не предлагал проверить данные. Никто не писал: «Если вы не совершали это действие, сообщите нам». Никто не спрашивал, действительно ли он Андрей Воронцов.

Система просто сообщала ему о событии, которое уже произошло. С той же бесстрастной уверенностью, с какой сообщала о смене прописки, начислении налога или штрафе, который желательно оплатить до пятнадцатого числа.

«Вы умерли. Спасибо за использование государственных услуг.»

Андрей посмотрел на часы.

9:17.

Почти час прошёл с того момента, как он впервые увидел уведомление. За это время он успел узнать, что государство считает его мёртвым, работодатель прекратил с ним трудовой договор, банк заблокировал деньги, а бывшая девушка продолжает присылать ему сообщения.

Но страшнее всего было другое.

За весь этот час ни один человек не сказал ему:

«Это ошибка».

Ни один.

Банк не удивился. Государственный портал не удивился. Женщина из отдела кадров говорила с ним так, будто совершенно не сомневалась в том, что перед ней человек, который по каким-то непонятным причинам продолжает отвечать на звонки после собственной смерти.

Андрей медленно опустил телефон.

Он взял кружку, сделал глоток остывшего кофе и оглядел кухню. Несколько секунд просто стоял посреди комнаты, не зная, что ещё можно предпринять в ситуации, когда даже собственная смерть не удосужилась согласовать с ним планы.

Потом поставил кружку обратно.

- Допустим, я умер.

Он сам услышал, насколько нелепо это прозвучало и тихо добавил:

- Тогда почему я, блядь, об этом не знаю?

Глава 2

Андрей ещё минут десять просидел на кухне, разглядывая документ о собственной смерти.

Не то чтобы он рассчитывал обнаружить там внезапно появившуюся строчку «Извините, произошла ошибка». За эти десять минут он успел несколько раз обновить страницу, закрыть приложение, открыть его снова и даже зачем-то перезагрузить телефон. Последнее, если подумать, было особенно глупо: вряд ли государственные органы могли передумать хоронить человека только потому, что тот выключил и включил смартфон.

Документ оставался на месте. Дата смерти тоже.

Просто иногда мозгу требуется немного времени, чтобы перестать воспринимать происходящее как плохую шутку.

За окном постепенно оживал двор. Кто-то прогревал машину, и в холодном утреннем воздухе висел белый выхлоп. Женщина с собакой остановилась возле дерева и терпеливо ждала, пока её питомец закончит свои важные утренние дела. На лавочке напротив подъезда уже сидел старик в шапке, кормил голубей и, судя по всему, пользовался у них огромным авторитетом. Птицы облепили его ноги так плотно, будто именно он оставался последним человеком на земле, способным обеспечить их завтраком.

Обычное утро. Самое обычное из всех возможных.

Андрей снова посмотрел в телефон.

Дата смерти: 23 августа 2026 года.

Почему-то именно дата раздражала его больше всего. Если уж государство решило тебя убить, можно было хотя бы выбрать красивое число. Не 23 августа. Не звучало это как дата смерти. Скорее как напоминание о необходимости оплатить интернет или забрать заказ из пункта выдачи.

Он отложил телефон.

- Ладно.

Сказал он это скорее кухне, чем самому себе, и отправился в ванную.

Умыться оказалось неожиданно полезно. Холодная вода возвращала ощущение, что он занимается чем-то совершенно нормальным. Что есть утро, есть работа, есть зубная щётка, которую давно пора заменить, и есть человек в зеркале, который пока выглядит достаточно живым, чтобы не вступать в юридический спор с государством.

Андрей поднял глаза.

Лицо было всё тем же: немного кривой нос после старой драки, синяки под глазами, щетина, которую давно пора было сбрить. Волосы после сна торчали в разные стороны, причём одна прядь особенно упрямо пыталась жить собственной жизнью.

Он открыл рот, посмотрел на зубы, провёл ладонью по щекам, а затем ущипнул себя за руку.

Больно.

Посмотрел на отражение.

- Мёртвый, блядь.

Отражение выглядело неубедительно.

Андрей ещё несколько секунд изучал себя, будто надеялся найти какую-нибудь очевидную улику. Синеву под ногтями. Серый оттенок кожи. Может, отсутствие отражения, хотя бы для приличия. Но ничего подобного не обнаружилось. Только помятый мужик тридцати пяти лет, который явно хотел ещё поспать.

- А выглядит неплохо.

Отражение, судя по всему, было согласно.

С этим вопросом Андрей решил пока закончить.

Завтрак тоже не требовал особой подготовки. В холодильнике обнаружились половина куска сыра, три яйца и бутылка кетчупа, срок годности которой он предпочёл не проверять. Андрей разбил яйца на сковороду, посолил, потом зачем-то посолил ещё раз и только после этого понял, что первый раз уже солил.

Через десять минут он стоял возле кухонной раковины и ел яичницу прямо из тарелки.

Получилось пересолено.

Андрей прожевал, проглотил и задумался.

- Вот теперь точно похоже на смерть.

Ситуация постепенно возвращалась в привычные рамки. По крайней мере, завтрак был способен испортиться совершенно самостоятельно, без помощи государственных орга-

нов.

После еды Андрей оделся и вышел из квартиры.

На лестничной площадке пахло жареной картошкой. Кто-то готовил её с луком и, судя по запаху, совершенно не жалел масла. Андрей задержался на секунду, прислушиваясь к этому простому домашнему запаху, а потом заметил детскую коляску, оставленную поперёк прохода. Попытался протиснуться мимо. Не получилось. Пришлось развернуться боком и втянуть живот.

- Отлично.

Если человек умер, это ещё не значит, что ему автоматически выдают нормальный подъезд.

На улице оказалось холоднее, чем он ожидал. Август вроде бы ещё продолжался, но лето закончилось как-то незаметно - словно ночью кто-то выключил его вместе со светом. Асфальт после дождя потемнел, возле бордюров лежали первые жёлтые листья, а с крыш домов время от времени падали тяжёлые капли. Солнце несколько раз выглянуло из-за облаков, посмотрело на происходящее и, судя по всему, решило не вмешиваться.

Андрей направился в сторону метро.

Обычно он ездил на работу на машине, но сегодня автомобиль казался слишком большим вложением для человека, которого официально больше не существовало. Кроме того, бензин почему-то хотелось покупать за чужие деньги. Свои банк теперь не давал.

На перекрёстке он зашёл в небольшую кофейню. Внутри было тепло, пахло свежей выпечкой и молотым кофе. За стойкой стояла девушка лет двадцати пяти с таким выражением лица, будто она уже несколько часов подряд встречала людей, которые почему-то решили начать утро именно с неё.

- Американо, - сказал Андрей.

- Большой?

- Средний.

Девушка пробила заказ. Андрей приложил карту.

Терминал пискнул. На экране появилась ошибка.

- Ещё раз попробуем? - спросила она.

- Давайте.

Он приложил карту снова. Ошибка появилась повторно, на этот раз уже без всякого стеснения. Девушка посмотрела на экран, затем на Андрея.

- Наверное, терминал тупит.

- Не только терминал.

Она подняла на него глаза.

Андрей улыбнулся. Девушка не поняла, шутит он или нет, и решила не рисковать.

Он достал наличные.

- С него уже можно снять наличку?

- Если очень попросить.

- Я пока не буду.

Расплатившись, Андрей забрал стакан и отошёл к окну.

За стеклом люди спешили по своим делам. Кто-то бежал

к автобусу, кто-то разговаривал по телефону. Двое школьников спорили возле пешеходного перехода. Мужчина в костюме стоял посреди тротуара и пытался одновременно курить, говорить по телефону и держать стакан кофе. Получалось у него плохо.

Андрей сделал глоток.

Кофе оказался отвратительным.

Он посмотрел на стакан.

- Хоть что-то стабильно.

За окном проехал автобус и окатил водой край тротуара. Мужчина в костюме отскочил в сторону и громко выругался.

Андрей невольно улыбнулся.

Мир продолжал работать. Люди опаздывали, ругались, пили плохой кофе, вели детей в школу и пытались не попасть под колёса автобусов. Никто не знал, что Андрей Воронцов умер вчера в 23:48.

Он допил кофе и вышел на улицу.

Первым делом Андрей решил обратиться туда, где подобные вещи должны были решаться без особых сложностей. По крайней мере, в теории.

Отдел государственной регистрации актов гражданского состояния находился в старом административном здании недалеко от центра. Серое, четырёхэтажное, с широкими ступенями и табличкой возле входа, которую, кажется, никто не менял со времён, когда пластиковые окна ещё считались роскошью.

Андрей остановился перед дверью. На секунду ему захотелось развернуться и пойти домой. Но домой он уже не хотел. Там лежал телефон с документом, в котором он был мёртв. Здесь хотя бы можно было с этим поспорить.

Внутри оказалось тепло и душно. Пахло бумагой, пылью и чем-то ещё, неуловимо напоминавшим старые школьные кабинеты. На стенах висели стенды с инструкциями, перечнями документов и фотографиями счастливых семей. На одном плакате молодожёны улыбались так широко, будто им ещё никто не объяснил, сколько стоит ремонт и какова ставка ипотеки.

Андрей сел на свободный стул и стал ждать.

Перед ним сидела женщина лет шестидесяти пяти. Она с таким сосредоточенным видом заполняла какие-то бумаги, будто от её почерка зависело существование государства. Впрочем, учитывая обстоятельства, Андрей уже не исключал и такой возможности.

Наконец подошла его очередь.

Он положил паспорт на стойку.

- Здравствуйте. У меня проблема.

Женщина взяла паспорт, открыла и посмотрела на него поверх очков.

- Какая?

Андрей на секунду задумался.

- Я умер.

Женщина посмотрела на него ещё раз.

- Такое случается.

Она совершенно спокойно перелистнула паспорт.

- Если вы по поводу похорон, это не сюда. Ритуальные услуги этажом ниже.

Андрей моргнул.

- Я не по поводу похорон.

- А по какому?

- По поводу того, что я умер.

Женщина наконец подняла на него глаза.

- А-а.

- Да.

- По документам?

- По документам.

- А я думала, сова.

Андрей нахмурился.

- Какая сова?

Женщина пожала плечами.

- Неважно. Давайте посмотрим.

Она повернулась к компьютеру и начала что-то вводить.

Андрей стоял перед ней, пытаясь понять, в какой момент разговор с государственным служащим превратился в обмен репликами с человеком, который совершенно не собирался удивляться его смерти.

Несколько секунд женщина молча смотрела на экран.

- Запись есть.

- Я знаю.

- Дата смерти двадцать третье августа.

- Да.

- Основание - медицинское свидетельство.

Андрей перестал улыбаться.

- Какое медицинское свидетельство?

Женщина посмотрела на него поверх очков.

- Свидетельство о смерти.

- Это я понял. Я про то, кто его выдал.

Она снова посмотрела в монитор.

- Медицинская организация.

- Какая?

Женщина назвала больницу.

Андрей застыл.

Он знал эту больницу.

Туда его действительно однажды отвозили. Несколько лет назад, после аварии. Он помнил белый коридор, слишком яркий свет, запах лекарств и пластиковый стаканчик с водой, который кто-то поставил рядом с ним на стул.

Но это было давно. Очень давно.

- Вы уверены? - спросил он.

- У меня перед глазами запись.

- Нет, я понимаю. Просто... вы уверены, что это мой документ?

Женщина повернула монитор чуть в его сторону.

- Фамилия, имя, отчество совпадают.

Андрей посмотрел на экран, потом на неё.

- А фотография?

- В актовой записи фотографии нет.

Он медленно кивнул.

Почему-то от этого стало ещё хуже.

- И что мне теперь делать?

- Обращаться в медицинскую организацию. Если произошла ошибка, они должны исправить сведения.

- То есть мне нужно доказать больнице, что я не умер?

Женщина пожала плечами.

- Получается, так.

Андрей задумался.

- А если они скажут, что умер?

Женщина посмотрела на него. Несколько секунд они молчали.

- Тогда, - сказала она, - придётся разбираться дальше.

Андрей вздохнул.

- Ясно.

Он забрал паспорт и уже собирался отойти, но остановился.

- Можно последний вопрос?

- Да.

- Вы часто с таким сталкиваетесь?

Женщина задумалась.

- С живыми умершими?

- Ну.

- Нет.

- А жаль.

На этот раз она улыбнулась.

Андрей тоже.

Потом отошёл от стойки и вышел из здания. Дверь закрылась за спиной, отрезав душный запах бумаги и чужих документов.

Он постоял на ступеньках.

Перед ним шумел обычный город. Машины ехали по мокрой дороге, кто-то торопился через перекрёсток, возле остановки спорили двое мужчин. Пожилая женщина несла пакет с продуктами, придерживая его обеими руками. Ветер подхватил с тротуара рекламную листовку и погнал её вдоль бордюра.

Андрей достал телефон и нашёл адрес больницы. До неё было около двадцати минут на машине.

Он сунул телефон в карман.

И только тогда заметил, что всё это время слишком сильно сжимал паспорт. Пальцы побелели.

Андрей разжал руку, медленно выдохнул и посмотрел на серое небо.

Потом снова достал телефон.

Адрес больницы всё ещё был на экране.

- Ладно.

Он убрал телефон.

- Пойдём знакомиться с трупом.

Глава 3

Андрей вышел из здания и остановился на ступеньках, щурясь от неожиданно яркого света.

Пока он сидел внутри, ему казалось, что на улице должно быть холоднее. Или, наоборот, жарче. Что угодно, лишь бы окружающий мир хоть как-то соответствовал тому, что происходило с ним последние несколько часов. Но август, похоже, не собирался подстраиваться под чужие неприятности. Он продолжал заниматься своими обычными делами: лениво перебирал облака, подсушивал после дождя тротуары и время от времени выпускал из-за туч солнечные лучи, будто проверял, не забыл ли кто-нибудь выключить лето.

Асфальт блестел в редких солнечных просветах, с крыш ещё падали тяжёлые капли, а ветер гонял по тротуару опавшие листья и размокшие рекламные листовки. У остановки толпились люди. Кто-то пил кофе из бумажного стаканчика, кто-то листал телефон, несколько школьников спорили из-за какой-то ерунды, а парень в наушниках настолько увлёкся музыкой, что едва не врезался в столб. Обычное утро обычного дня. Никто никуда особенно не торопился, никто не выглядел обеспокоенным, и уж точно никто не подозревал, что среди них стоит Андрей Воронцов - человек, который, согласно государственным сведениям, умер вчера вечером.

Он постоял ещё немного, потом достал телефон.

На экране всё ещё висело банковское уведомление. Андрей открывал его уже несколько раз, словно надеялся, что за это время сотрудники банка успеют одуматься, пересмотреть ситуацию и решить, что блокировать счёт человека только потому, что он умер, - несколько поспешное решение. Но уведомление оставалось на месте. Счёт заблокирован. Доступ к деньгам ограничен.

Наверное, существовала какая-нибудь причина, по которой умершим людям запрещалось пользоваться собственными деньгами. Возможно, банк заботился о них. Или о тех, кто ещё не успел предъявить права на их имущество. Андрей даже мог признать в этом определённую логику, если бы речь шла не о нём самом.

Он открыл кошелёк и пересчитал наличные. Две купюры, несколько монет и старая скидочная карта какого-то магазина, в который он последний раз заходил года три назад. Скидка, разумеется, уже закончилась. Как и его жизнь, если верить государственным базам.

- Отлично, - пробормотал он. - Богатый покойник.

Андрей снова посмотрел на адрес больницы. Добираться туда было около сорока минут, если повезёт с автобусом. Потом предстояли разговоры с врачами, поиски нужного отделения и попытки объяснить человеку в белом халате, что перед ним не тот Андрей, который вчера умер, а другой Андрей - тот самый, который сегодня утром успел выпить отвратительный кофе, съесть пересоленную яичницу и мыс-

ленно послать к чёрту половину государственных учреждений города.

Проблема заключалась в том, что даже на эту затею требовались деньги.

Мысль о матери появилась почти сразу. Андрей не стал долго её обдумывать: открыл контакты, нашёл знакомое имя и задержал палец над кнопкой вызова. Казалось бы, ничего сложного. Позвонить матери, объяснить, что возникла небольшая финансовая проблема, попросить данные карты, а потом уже разбираться с больницей. Обычная бытовая просьба, каких между ними за годы накопилось немало.

Только вот как объяснить, почему ему понадобились деньги?

«Привет, мам. Я тут умер. Скинь немного на автобус».

Он невольно усмехнулся. Не лучший заход для разговора, особенно если учитывать, что мать могла воспринять его буквально.

Андрей всё-таки нажал вызов.

Она ответила после нескольких гудков.

- Алло?

Голос звучал устало. Не сонно, не раздражённо - именно устало, будто за последние сутки ей почти не удалось поспать.

- Мам, привет.

Несколько секунд на том конце ничего не происходило.

- Андрей?

Он улыбнулся, хотя она не могла этого увидеть.

- Ну да. А кого ты ожидала услышать?

Снова пауза. Андрей решил, что связь барахлит, и машинально посмотрел на индикатор сети. Сигнал был нормальный. Потом он услышал её дыхание.

- Где ты?

- В городе. Я тут немного попал, короче. Банк счёт заблокировал, деньги снять не могу. Мне до больницы добраться надо. Можешь данные карты дать, чтобы наличку снять? Я потом отдам.

Он говорил спокойно, почти буднично, даже специально старался звучать повеселее. Ему вдруг очень хотелось, чтобы хотя бы один человек во всей этой истории отнёсся к происходящему нормально. Не стал отправлять его к врачу, не предложил вызвать ритуальную службу и не начал объяснять, что по документам всё уже решено. Просто выслушал бы, спросил, что случилось, и помог.

Мать молчала.

- Мам?

- Кто это?

Андрей нахмурился.

- В смысле?

- Кто это?

- Мам, ну я же сказал. Андрей.

На другом конце послышался тихий, рваный вдох. Потом мать заплакала. Не громко, без истерики и причитаний. Она

несколько раз попыталась вдохнуть, но каждый раз дыхание словно застревало где-то в горле.

Андрей выпрямился. Сам не понимая почему, он вдруг почувствовал себя неловко оттого, что разговаривает с ней посреди улицы. Отошёл от остановки, пропуская людей, и остановился возле стены здания.

- Мам, ты чего? Что случилось?

Она не отвечала.

- Мам?

- Вы совсем охренели? - наконец выговорила она сквозь слёзы.

Андрей растерялся.

- Что?

- Вам лишь бы наживаться на чужом горе.

Он посмотрел на телефон, будто мог увидеть через него её лицо.

- Мам, я не понимаю.

- Андрей умер.

Несколько секунд он не мог произнести ни слова.

Мимо прошёл автобус, подняв с дороги мелкую грязную воду. Андрей машинально отступил от края тротуара, чтобы не попасть под брызги, и только после этого понял, что мать всё ещё ждёт ответа.

- Мам, это я.

- Не надо.

- Да я не шучу.

- Не надо так со мной.

- Мам, послушай. Я сейчас стою возле МФЦ. У меня телефон в руках. Я тебе звоню. Я живой. Просто банк почему-то решил, что я умер.

Он заговорил быстрее, чем собирался. Чем дольше пытался объяснить ситуацию, тем нелепее звучали его слова. Ещё утром ему казалось, что достаточно найти человека, который согласится выслушать его две минуты подряд, и вся эта история начнёт постепенно распутываться. Теперь этим человеком была его мать. И она плакала от звука его голоса.

- Я не знаю, что вы там придумали, - сказала она. - Но больше мне не звони.

- Мам...

- Я сегодня его видела.

Андрей замолчал.

Ветер ударил ему в лицо, растрепав волосы. Где-то за спиной звякнул трамвай, неподалёку кто-то засмеялся, а женщина рядом раздражённо попросила ребёнка не лезть на дорогу. Город продолжал жить своей жизнью, словно ничего особенного не происходило. Андрей смотрел перед собой, но уже почти не замечал ни людей, ни машин.

- Кого? - спросил он.

Мать ничего не ответила.

- Мам, кого ты видела?

На том конце снова послышался плач. Потом короткий звук сброса вызова.

Андрей ещё несколько секунд смотрел на экран. Он не двигался, даже когда экран погас и на нём отразилось собственное лицо. На фотографии контакта была старая семейная фотография, которую он когда-то сам поставил матери на телефон. Она сидела на кухне и улыбалась в камеру - лет на десять моложе, чем сейчас. Андрей вспомнил, как она тогда ругалась за фотографию без предупреждения, а потом всё равно оставила её.

Он нажал вызов.

Никто не ответил.

Попробовал ещё раз. На этот раз телефон почти сразу переключился на автоответчик.

Андрей убрал его в карман.

Он мог объяснить банк. Мог объяснить работодателя. Даже запись о собственной смерти в государственной базе при желании можно было списать на чью-то ошибку, человеческую глупость или очередной сбой системы, которая иногда не могла нормально определить, кому принадлежит квартира, зато каким-то образом безошибочно установила, что её владелец больше не существует.

Но мать...

Мать не должна была так реагировать на его голос.

Он достал телефон и снова открыл адрес больницы. Потом зачем-то проверил баланс карты, хотя прекрасно знал, что там ничего не изменилось. На экране всё оставалось по-прежнему: заблокированный счёт, недоступные деньги и

адрес учреждения, в котором, судя по документам, выдали справку о его смерти.

Андрей посмотрел на время.

С момента, когда он узнал о собственной смерти, прошло меньше четырёх часов. За это время он успел потерять работу, лишиться доступа к деньгам и позвонить матери, которая расплакалась, услышав его голос, потому что сегодня уже видела своего умершего сына.

Он спрятал телефон и направился к остановке.

Теперь ему хотелось не столько доказать, что он жив. С этим он, в общем-то, и сам неплохо справлялся. Гораздо важнее было понять, кого именно сегодня видела его мать.

Автобус пришёл через несколько минут. Андрей поднялся по ступенькам, приложил проездной к валидатору и на всякий случай замер, ожидая красного сигнала. Но устройство коротко пискнуло, оплата прошла, и двери за его спиной закрылись.

Он посмотрел на валидатор.

- Хоть ты меня признал.

Водитель никак не отреагировал. Андрей прошёл в салон и сел у окна, прислонившись лбом к холодному стеклу.

За окном медленно поплыли мокрые дома, вывески магазинов, дворы, остановки и люди, которые продолжали заниматься своими делами. Кто-то нёс домой продукты, кто-то ругался по телефону, пожилая женщина безуспешно пыталась закрыть зонтик, который выворачивало ветром. Муж-

чина перебегал дорогу на красный, прижимая к уху телефон, а мальчишка в красной куртке тащил за собой огромный рюкзак, едва не волочившийся по асфальту.

Андрей смотрел на них и думал о том, что ещё утром всё это было частью его обычной жизни. Он мог опоздать на работу, забыть купить хлеб, поругаться с кем-нибудь в очереди или вечером написать Лене какую-нибудь глупость. Мог строить планы на выходные, жаловаться на погоду и раздражаться из-за пустяков. В общем, заниматься тем, чем занимаются живые люди, когда им не приходится доказывать собственное существование.

Теперь он ехал в больницу, чтобы разобраться с документами о своей смерти. И, возможно, увидеть человека, которого его мать сегодня приняла за него.

Глава 4

К больнице Андрей приехал в начале десятого, когда город окончательно проснулся, но ещё не успел решить, что делать с этим утром. Автобус высадил его у остановки с облупившейся синей табличкой, на которой название улицы почти полностью закрывал рекламный стикер. Через дорогу тянулся длинный больничный корпус из жёлтого кирпича. На нижних этажах окна были распахнуты настежь, и из них доносились голоса, звон посуды и какой-то телевизор, работавший на такой громкости, словно его владелец пытался перекричать собственную болезнь.

У входа толпились люди. Кто-то курил, пряча сигарету от ветра в ладони, кто-то разговаривал по телефону, а возле урны пожилой мужчина в спортивном костюме с сосредоточенным видом доедал пирожок. Всё выглядело настолько обыкновенно, что Андрей на секунду почувствовал себя глупо. Вот она, больница. Вот люди, которым нездоровится, родственники, которые ждут новостей, санитарки с тележками, такси, высаживающие пассажиров прямо на проезжей части. Мир не остановился из-за того, что в нём обнаружился один лишний покойник.

Андрей поправил ремень сумки и направился к дверям.

Первым делом он собирался найти медицинскую документацию, выяснить, кто именно оформил свидетельство о

его смерти, а затем добиться исправления ошибки. План был хороший. Простой, последовательный и, как ему казалось, вполне выполнимый за пару часов. В конце концов, если человек жив, это обычно довольно весомый аргумент в споре с теми, кто считает его умершим.

Он ещё не знал, что в государственных учреждениях вес аргументов измеряется не убедительностью, а количеством печатей.

Внутри пахло мокрой одеждой, хлоркой и едой из столовой. На стене возле входа висела схема корпусов, составленная, по всей видимости, человеком, который прекрасно знал здание и искренне верил, что остальные обладают теми же знаниями. Стрелки указывали в разные стороны, кабинеты были обозначены номерами, а несколько надписей заклеили листами бумаги с новыми надписями. Андрей постоял перед этой картой, пытаясь понять, почему отделение медицинской статистики находилось в одном корпусе, регистратура - в другом, а нужный ему кабинет, согласно схеме, существовал где-то между лестницей и аптечным киоском.

- Вам куда? - спросила женщина за столом охраны.

- Пока не знаю. Но надеюсь, что в правильное место.

Она подняла глаза. На бейджике было написано «Наталья Петровна». Женщина выглядела так, будто за годы работы успела выслушать все возможные жалобы человечества и теперь ждала только того дня, когда человечество наконец заткнётся.

- По какому вопросу?

- Мне нужно разобраться с медицинским свидетельством о смерти.

- Кого?

- Меня.

Наталья Петровна посмотрела на него, затем на сумку у него в руке, словно там мог лежать документ, подтверждающий, что он действительно заслуживает отдельного разговора.

- Вам в регистратуру.

- Отлично. А где она?

- Во втором корпусе.

- А этот тогда какой?

- Первый.

- Уже чувствую, что день будет продуктивным.

Наталья Петровна не улыбнулась, зато указала рукой направление. Андрей поблагодарил её и вышел обратно на улицу.

Второй корпус оказался через двор, за небольшим сквером, где на скамейках сидели люди с одинаково уставшими лицами. Между зданиями бегал ветер, гоняя по асфальту сухие листья и обрывки чеков. На одной из скамеек мужчина кормил голубей печеньем, а рядом молодая женщина пыталась объяснить ребёнку, почему нельзя трогать голубей, которые уже сами залезли к ним в пакет.

Андрей прошёл мимо и подумал, что если сегодня ему

удастся разобраться со своей смертью, он обязательно купит нормальный кофе. Не тот, который наливают в автоматах и который на вкус напоминает горячую воду, в которой кто-то случайно прополоскал носки, а настоящий. С молоком. Большой. Чтобы можно было сидеть у окна и хотя бы полчаса не разговаривать с людьми, которым требуется справка о том, что ты существуешь.

В регистратуре очередь начиналась у двери и заканчивалась где-то за поворотом коридора. Андрей остановился, осмотрел собравшихся и впервые за утро почувствовал не страх, не тревогу и даже не раздражение, а уважение. Перед ним стояли люди, которые пришли сюда раньше, чем проснулся он сам, и теперь были готовы защищать своё место с упорством, достойным куда более серьёзных конфликтов.

У стены стояла женщина в бежевом пальто, прижимая к груди прозрачную папку. Перед ней сидела другая, вязаная кофта которой была застёгнута на все пуговицы, несмотря на духоту. На подоконнике устроился мужчина с тростью, а возле двери пожилой человек в кепке держал сразу три талончика, периодически пересчитывая их, словно боялся, что за время ожидания один из них мог самовольно покинуть строй.

- Вы за кем? - спросила женщина в бежевом пальто, когда Андрей встал в конец очереди.

- За вами.

- Я не про это. Вы за кем занимали?

- За смертью.

Женщина нахмурилась.

- Молодой человек, здесь не шутят.

- Я заметил. У вас тут даже очередь выглядит серьёзнее некоторых похорон.

- Вот и стойте молча.

Андрей послушался. Он уже успел понять, что больничная очередь живёт по собственным законам. Здесь нельзя просто встать в конец и ждать. Нужно установить, кто пришёл раньше, кто вышел ненадолго, кто отошёл за водой, кто занял место за соседку, а кто вообще не имеет права находиться в этой части коридора, потому что ему нужно не сюда, а в соседнее здание.

Последнее выяснилось через несколько минут.

- Вы куда? - спросила его женщина в бежевом пальто, заметив, что Андрей смотрит на дверь регистратуры.

- Туда.

- А талон у вас есть?

- Нет.

- Так чего вы стоите?

- В очереди.

- Без талона?

- Пока не вижу причин считать это преступлением.

- Тут все с талонами.

Андрей огляделся. У половины людей действительно бы-

ли бумажные талончики, у другой половины - телефоны с открытыми страницами электронной записи. Несколько человек держали в руках направления, выписки и другие документы, по толщине напоминавшие небольшие книги. Одна пожилая женщина раскладывала бумаги на коленях, время от времени сверяясь с записной книжкой, в которой, судя по количеству подчёркиваний, велась история её отношений с медициной за последние лет двадцать.

- Где взять талон? - спросил Андрей.

- В автомате.

- А автомат где?

- В холле.

- Это в каком корпусе?

Женщина посмотрела на него с выражением человека, который только что обнаружил, что рядом с ним стоит не просто идиот, а идиот без перспектив.

- Молодой человек, вы вообще в больнице первый раз?

- Сегодня - да.

- Тогда всё понятно.

Она отвернулась, предоставив Андрею возможность самостоятельно осмыслить собственную несостоятельность.

Автомат стоял возле лестницы и выглядел так, словно его установили ещё при строительстве здания. На экране предлагалось выбрать услугу. Андрей нажал на «Регистратура», после чего устройство задумалось, издало короткий писк и сообщило, что для получения талона необходимо указать но-

мер полиса обязательного медицинского страхования.

Андрей ввёл номер.

Автомат попросил подтвердить личность через портал государственных услуг.

Он подтвердил.

На экране появилось сообщение: «Пользователь не может быть идентифицирован».

Андрей перечитал его, затем нажал кнопку повторной проверки. Автомат подумал ещё немного и вывел то же самое.

- Да вы издеваетесь, - сказал Андрей.

- Следующий! - крикнул мужчина позади него.

- Я ещё не закончил.

- Так вы талон берёте или философствуете?

Андрей отошёл от автомата и пропустил мужчину вперёд. Тот ввёл свой номер, нажал пару кнопок и получил талон почти мгновенно. Устройство даже не попыталось испортить ему утро.

- Извините, - сказал Андрей. - А если система не распознаёт человека, что делать?

Мужчина посмотрел на него поверх очков.

- В регистратуру идти.

- А если там очередь?

- Значит, стоять в очереди.

Он забрал талон и ушёл, оставив Андрея наедине с автоматом, который, по всей видимости, был единственным

сотрудником больницы, официально признавшим его отсутствие.

В регистратуру Андрей вернулся без талона. Женщина за стойкой принимала документы у пожилого мужчины и внимательно изучала его паспорт. Когда подошла очередь Андрея, она подняла на него глаза и привычно произнесла:

- Следующий.

- Доброе утро. Мне нужна информация о медицинском свидетельстве о смерти.

- Кого?

- Андрея Воронцова. Тридцать пять лет. Умер вчера, двадцать третьего августа, в двадцать три сорок восемь.

Женщина напечатала что-то на клавиатуре.

- Вы родственник?

- Я Андрей Воронцов.

Она остановилась и посмотрела на него внимательнее.

- Документы предъявите.

Андрей протянул паспорт.

Женщина открыла его, сравнила фотографию с лицом Андрея и снова посмотрела в монитор. Потом перевела взгляд на паспорт, будто надеялась, что между фотографией и пропиской обнаружится какое-нибудь объяснение.

- По нашим данным, Андрей Воронцов умер.

- Да, я в курсе. Мне уже прислали уведомление.

- Тогда вам нужно обратиться в отдел медицинской статистики.

- Где он находится?

- Третий корпус, второй этаж, кабинет четырнадцать.

- А талон туда нужен?

- Вам сначала нужно получить направление.

- Где?

- В кабинете двести четырнадцать.

Андрей медленно закрыл паспорт.

- Подождите. Я пришёл к вам, чтобы выяснить, почему меня записали умершим. Вы отправляете меня в отдел медицинской статистики. Чтобы попасть туда, мне нужно направление из кабинета двести четырнадцать. А направление я могу получить только после того, как выясню, почему меня записали умершим?

Женщина слегка наклонила голову, обдумывая его слова.

- Нет. Не совсем так.

Андрей приготовился к худшему.

- Вы сначала должны подтвердить личность.

- Я только что это сделал.

- По документам вы не можете подтвердить личность, поскольку числитесь умершим.

- Но паспорт действующий.

- Паспорт не подтверждает, что вы живы.

Андрей посмотрел на неё. Она сказала это без издёвки, совершенно спокойно, с той мягкой уверенностью, с какой люди сообщают, что касса закрыта на обед или что сегодня не принимают без записи.

- А что подтверждает?

- Медицинское заключение.

- Которое мне нужно получить в отделе медицинской статистики?

- Да.

- Для которого нужно направление?

- Да.

- Которое выдаётся после подтверждения личности?

- Совершенно верно.

Андрей помолчал.

- У вас есть книга жалоб?

- Конечно.

- Отлично. Можно я напишу туда, что умер от административного идиотизма?

- Книга жалоб находится у старшего администратора.

- В каком корпусе?

- В третьем.

- Кабинет двести четырнадцать?

- Нет, это во втором.

Андрей улыбнулся. Не потому, что ему было смешно, а потому, что в какой-то момент мозг перестаёт воспринимать происходящее как проблему и начинает искать в нём хотя бы минимальные признаки искусства.

- Спасибо. Вы очень помогли.

- Следующий!

Он отошёл от стойки, пропустил женщину с папкой и на-

правился к выходу. В коридоре по-прежнему было людно. Очередь почти не двигалась, хотя за стойкой работали две сотрудницы. Мужчина с тростью уже сидел на подоконнике, а пожилая женщина с записной книжкой успела разложить бумаги в новом порядке.

- Молодой человек, - окликнули Андрея.

Он обернулся. Женщина в бежевом пальто смотрела на него с подозрением.

- Вы же только что были у окошка.

- Был.

- И что вам сказали?

- Что я умер.

Она нахмурилась ещё сильнее.

- Так это вы тот самый?

- Какой?

- Которого вчера привезли?

Андрей перестал улыбаться.

- Куда привезли?

Женщина пожала плечами, словно сама не была уверена, зачем вообще решила с ним заговорить.

- Я не знаю. Я слышала, как две санитарки разговаривали. Говорили, что вчера вечером привезли мужчину, а сегодня с утра уже документы оформляют. Фамилия такая же, вроде.

- Воронцов?

- Может быть. Я не запомнила.

- А где они разговаривали?

- Да здесь, у окна. Только вы не думайте, что я подслушивала. Просто они громко говорили, а я с пяти утра здесь сижу, чего я, по-вашему, должна делать? В стену смотреть?

Андрей хотел спросить ещё что-то, но женщина уже отвернулась, заметив, что очередь сдвинулась на полшага.

Он постоял посреди коридора, чувствуя, как внутри медленно поднимается неприятное, липкое беспокойство. До этого момента смерть существовала для него в виде уведомления на экране, заблокированной карты и разговора с матерью. Всё это можно было объяснить ошибкой, сбоем, чужой некомпетентностью. Даже слова матери - «Я сегодня его видела» - оставались чем-то, к чему он пока не хотел возвращаться.

Но теперь кто-то говорил о мужчине, которого вчера привезли в больницу. Мужчине с такой же фамилией. Мужчине, чьи документы оформляли сегодня утром.

Андрей достал телефон и посмотрел на время. Десять двадцать семь. Он провёл в больнице меньше часа, но уже успел побывать в двух корпусах, поговорить с охранницей, проиграть спор автомату и получить направление на собственную смерть, которое ему никто не выдал.

Впереди, судя по всему, был кабинет двести четырнадцать.

Он нашёл его во втором корпусе, на втором этаже, в конце коридора, где пахло старой краской и чем-то сладковатым, похожим на дешёвый освежитель воздуха. На двери висела

табличка: «Оформление медицинской документации». Под ней кто-то приклеил листок с надписью от руки: «Приём по талонам. Без исключений».

Андрей постучал.

- Войдите.

За столом сидела женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и очками на цепочке. Перед ней стояли два монитора, кружка с остывшим чаем и пластиковая подставка с ручками. На стене висел календарь с изображением котёнка, который выглядел так, словно его тоже недавно оформили умершим и теперь он не мог попасть на приём.

- Вы по записи? - спросила женщина.

- Нет. Я по поводу собственной смерти.

Она сняла очки и посмотрела на него поверх монитора.

- Фамилия?

- Воронцов. Андрей Сергеевич.

Женщина вернула очки на место, набрала что-то на клавиатуре и некоторое время молчала.

- Да, вижу. Вчера поступило медицинское свидетельство. Но я не могу выдать вам копию.

- Почему?

- Потому что вы не родственник.

- Я Андрей Воронцов.

- Я вижу.

- Тогда кто, по-вашему, должен получать документы о моей смерти? Мой сосед?

- Не надо повышать голос.

- Я ещё не повышаю.

- Вот и не надо.

Она произнесла это таким тоном, что Андрей невольно выпрямился. Женщина снова посмотрела в монитор, прокрутила страницу и достала из ящика бланк.

- Вам нужно обратиться в отдел медицинской статистики, третий корпус, второй этаж, кабинет четырнадцать.

- Я там уже был. Точнее, ещё не был, потому что вы отправили меня сначала к вам.

- Тогда вам нужно получить направление.

- У вас?

- Да.

- Прекрасно. Давайте.

Женщина протянула руку за паспортом.

Андрей отдал документ. Она открыла его, сверила данные с экраном и нахмурилась.

- Здесь указано, что вы умерли.

- Это уже почти стало нашей общей темой.

- Без подтверждения личности я не могу оформить направление.

- А если я покажу вам водительское удостоверение?

- Оно тоже не подтверждает, что вы живы.

- А если я вас ущипну?

Женщина медленно подняла глаза.

- Молодой человек, вы сейчас мешаете приёму.

- Я пытаюсь получить справку о том, что мне нужна справка, чтобы доказать, что я не умер. Мне кажется, мы уже давно вышли за пределы обычного приёма.

Она поджала губы и вернула ему паспорт.

- Вам нужно обратиться к старшему администратору.

- В каком корпусе?

- В третьем.

- Кабинет?

- Сто восемь.

- Талон?

- Обязательно.

Андрей кивнул, убрал паспорт в карман и вышел в коридор.

Он не стал ругаться. Не потому, что был спокоен, а потому, что ругаться здесь было бессмысленно. Каждый человек, с которым он разговаривал, искренне считал, что отправляет его в правильное место. Никто не хотел ему навредить. Никто не пытался скрыть правду. Они просто следовали правилам, которые существовали отдельно от здравого смысла, и Андрей постепенно начинал подозревать, что эти правила переживут не только его, но и человечество в целом.

У лестницы он остановился, достал телефон и открыл переписку с Леной.

Последнее сообщение было отправлено вчера в 23:54.

«А ты?»

Андрей смотрел на эти два слова, пока экран не погас. По-

том снова коснулся его, и сообщение появилось на прежнем месте, как будто ничего не произошло. Он хотел позвонить ей, спросить, помнит ли она, что он писал ей вчера ночью, но не стал. Сначала нужно было разобраться с документами. Если он начнёт звонить всем знакомым и спрашивать, помнят ли они его живым, то скоро сам поверит, что сходит с ума.

В третьем корпусе оказалось ещё больше людей. В холле стояли стулья, почти все занятые. На подоконнике лежала чья-то куртка, под ней - пакет с яблоками. У стены женщина укачивала младенца, а рядом мужчина в рубашке с закатанными рукавами пытался дозвониться до страховой компании. Из динамика над дверью периодически раздавался металлический голос, вызывавший посетителей по номерам талонов.

Андрей нашёл автомат, выбрал нужный пункт и снова ввёл данные.

На этот раз устройство не стало просить подтверждение через Госуслуги. Оно просто вывело сообщение: «Запись недоступна. Обратитесь к администратору».

- Да пошёл ты, - тихо сказал Андрей и отошёл в сторону.

- Вы ругаетесь на автомат? - спросила пожилая женщина, сидевшая неподалёку.

- Он первый начал.

Женщина посмотрела на экран, потом на Андрея и неожиданно сочувственно кивнула.

- Эти автоматы давно пора убрать. Раньше всё по-человечески было.

- А как раньше было?

- Живую очередь занимали.

- И помогало?

- Конечно. Я сегодня в три ночи пришла, в половине четвёртого уже была седьмой.

Андрей посмотрел на часы.

- Но больница открывается в восемь.

- А вы думаете, если прийти к восьми, вы седьмым будете? Тут люди с двух часов сидят.

- И всё это время ждут?

- А что делать? У меня давление, у мужа сердце, а запись через две недели. Мы что, должны умереть, пока ждём?

Андрей невольно усмехнулся.

- Вообще-то, судя по моим документам, это вполне возможно.

Женщина не оценила шутку. Она поправила сумку на коленях и отвернулась к двери, где наконец высветился номер её талона.

Андрей остался стоять. В голове крутилась фраза, которую он слышал уже несколько раз за утро: «По нашим данным, вы умерли». До сегодняшнего дня ему казалось, что данные - это что-то вроде фотографии. Они могут быть неточными, неудачными, сделанными под неправильным углом, но в конце концов всегда остаётся возможность посмот-

реть на оригинал.

Теперь он начинал понимать, что данные больше похожи на очередь в больничном коридоре. Они могут быть неправильными, несправедливыми и совершенно нелепыми, но попробуй докажи это людям, которые пришли сюда раньше тебя.

К полудню Андрей успел побывать у старшего администратора, который отправил его обратно в кабинет двести четырнадцать, потому что направление выдавалось только там. В кабинете двести четырнадцать ему сообщили, что направление можно оформить лишь после подтверждения личности. Для подтверждения личности требовалась справка из отдела медицинской статистики, куда его не могли направить без подтверждения личности.

Он вернулся к старшему администратору.

Тот выслушал его, не перебивая, потом снял очки и аккуратно положил их на стол.

- Вы понимаете, что мы не можем просто так выдавать медицинские документы кому угодно?

- Я понимаю. Но я не кто угодно. Я человек, которого вы записали умершим.

- Вот именно.

- Что именно?

- Вы числитесь умершим. Поэтому мы должны действовать строго по регламенту.

Андрей некоторое время смотрел на него, пытаясь по-

нять, шутит ли тот. Но старший администратор уже снова надел очки и повернулся к монитору.

- Вам необходимо обратиться в отдел регистрации актов гражданского состояния. Получить подтверждение, что запись о смерти внесена. Затем вернуться к нам с документом.

- Я оттуда и приехал.

- Тогда вы должны знать, что я прав.

- А если я не прав?

- Тогда вам следует обратиться с письменным заявлением.

- Куда?

- В приёмную главного врача.

- А она где?

- В первом корпусе.

Андрей медленно вдохнул через нос.

- Скажите, пожалуйста, а у вас есть документ, подтверждающий, что я должен обратиться в первый корпус?

Старший администратор нахмурился.

- Что?

- Ну, справка. Направление. Бумага, в которой будет указано, что мне нужна бумага, чтобы получить бумагу, подтверждающую, что я имею право получить бумагу.

- Молодой человек, не надо ёрничать.

- Я не ёрничаю. Я пытаюсь понять, сколько ещё раз мне нужно обойти это здание, прежде чем кто-нибудь наконец признает, что я стою перед ним.

Администратор посмотрел на Андрея с усталым раздра-

жением, словно тот был не первым человеком за день, который пытался заставить его думать самостоятельно.

- Следующий!

Андрей вышел из кабинета.

На улице было пасмурно. Небо затянуло низкими серыми облаками, и ветер гнал по асфальту мелкую пыль. Андрей сел на скамейку возле входа, достал телефон и посмотрел на время. Было без двадцати два. Он провёл в больнице почти четыре часа и не приблизился к ответу ни на шаг.

Он мог бы сейчас уехать домой. Съесть что-нибудь, принять душ, поспать, а завтра продолжить. Но дома его ждали заблокированная банковская карта, уведомление о смерти и пустая квартира, в которой всё ещё стояли чашка с недопитым кофе и тарелка, оставленная с вечера. Обычные вещи, которые внезапно стали выглядеть так, будто принадлежат человеку, уже не имеющему к ним отношения.

Андрей достал из кармана паспорт и раскрыл его на странице с фотографией. На снимке он выглядел усталым, чуть небритым и недовольным тем, что его заставили фотографироваться. Вполне живым. Он провёл пальцем по ламинированной поверхности, словно надеялся нащупать там какую-нибудь подсказку.

- Ты чего тут сидишь? - спросил кто-то рядом.

Андрей поднял голову. Перед ним стоял мужчина в белом халате, лет сорока, с пластиковым стаканчиком кофе в руке. Он выглядел так, словно только что вышел на перекур, но

передумал курить и решил ограничиться кофеином.

- Думаю, как доказать, что я жив.

Мужчина посмотрел на паспорт, потом на Андрея.

- Не самый плохой способ провести обеденный перерыв.

- А у вас есть идеи получше?

- Есть. Поесть.

Он сделал глоток кофе и направился к дверям.

- Подождите, - окликнул его Андрей. - Вы не знаете, где у вас оформляют медицинские свидетельства о смерти?

Мужчина остановился.

- В морге.

- А где морг?

- За четвёртым корпусом. Только туда без направления не пускают.

Андрей закрыл глаза.

- Конечно.

- Что?

- Ничего. Просто я уже начал скучать по автомату с талонами.

Мужчина усмехнулся и пошёл дальше. Андрей проводил его взглядом, затем поднялся со скамейки. Четвёртый корпус находился за больничной территорией, в отдельном здании, окружённом невысоким забором. Он видел его ещё утром, но не придал значения: серое строение с узкими окнами, возле которого стояла машина с эмблемой ритуальной службы. Теперь оно выглядело как единственное место во

всём комплексе, где кто-то действительно мог знать, что с ним произошло.

Он направился к проходной.

У двери стоял мужчина в форме, который листал что-то в телефоне. На столе рядом лежал журнал посетителей и коробка с одноразовыми бахилами.

- Вам куда? - спросил охранник.

- Мне нужно узнать о медицинском свидетельстве.

- Направление есть?

- Нет.

- Тогда нельзя.

- А если я тот человек, на которого оформлено свидетельство?

Охранник поднял голову.

- Вы родственник?

- Я сам.

Мужчина медленно убрал телефон в карман.

- Слушайте, молодой человек, я тут не первый год работаю. Мне всё равно, кто вы и зачем пришли. Есть порядок. Без направления я вас не пропущу.

- А где получить направление?

- В кабинете двести четырнадцать.

Андрей посмотрел на него.

Охранник посмотрел на Андрея.

Несколько секунд они молчали, и в этой тишине было что-то почти торжественное. Будто два человека наконец встре-

тились на одной дороге и поняли, что дальше идти некуда.

- Я был там, - сказал Андрей.

- Ну и что?

- Мне не дали направление.

- Значит, надо получить.

- Чтобы получить его, мне нужно подтвердить личность.

- Ну так подтвердите.

- Для этого нужна справка из отдела медицинской статистики.

- Так получите справку.

- Для этого нужно направление.

Охранник нахмурился. Он явно пытался следить за разговором, но в какой-то момент потерял нить и теперь смотрел на Андрея так, словно подозревал, что тот специально издевается над ним.

- Молодой человек, вы меня запутали.

- Поверьте, я сам уже не первый час в этом состоянии.

Охранник вздохнул, взял со стола журнал и открыл его на последней странице.

- Давайте так. Я вас запишу, вы сходите к старшему администратору, получите направление, потом вернётесь. Всё по правилам.

- А если старший администратор отправит меня обратно сюда?

- Значит, вернётесь.

- А если я умру по дороге?

Охранник поднял на него глаза.

- Тогда уже не ко мне.

Андрей рассмеялся. Не громко, не весело, но вполне искренне. Впервые за весь день кто-то сказал ему что-то, что не требовало дополнительных справок.

Он отошёл от проходной и посмотрел на серое здание за забором. Там, за закрытой дверью, лежали тела людей, которые больше никуда не спешили. Им не нужно было подтверждать личность, получать талоны, доказывать родство или объяснять, почему они не могут явиться на приём в назначенное время. Они просто лежали, и никто не требовал от них заполнить заявление в двух экземплярах.

Андрей вдруг подумал, что если он действительно умер, то смерть оказалась не самым страшным, что могло с ним случиться.

Самым страшным было то, что даже после неё от него всё ещё требовали документы.

Он вернулся к главному корпусу, но по дороге остановился у окна первого этажа. За стеклом сидела женщина в белом халате и разговаривала с пожилым пациентом. Андрей видел её лицо, руки, движения губ. Он не слышал слов, но по выражению лица женщины понял, что она что-то объясняет, а мужчина никак не может согласиться.

Потом женщина повернула голову и посмотрела прямо на Андрея.

Он невольно замер.

Она смотрела на него несколько секунд, не мигая, и Андрей уже собирался постучать по стеклу, когда женщина отвернулась к пациенту и продолжила разговор.

Ничего особенного. Просто человек посмотрел в окно.

Андрей постоял ещё немного, потом пошёл дальше.

В коридоре третьего корпуса было по-прежнему людно. Та же женщина с записной книжкой сидела на прежнем месте, только теперь рядом с ней стоял пакет с едой. Мужчина с тростью куда-то исчез, а на подоконнике осталась его куртка. Из динамика над дверью снова раздался металлический голос, вызывавший очередной номер.

Андрей подошёл к автомату, чтобы попытать счастья ещё раз.

На экране горела надпись: «Пользователь не найден».

Он нажал кнопку обновления.

Надпись исчезла.

Появилось меню выбора услуги.

Андрей медленно выдохнул. Вот, пожалуйста. Всё работает. Обычная техника, обычная больница, обычный день. Нужно просто не психовать, найти нужный кабинет и сделать всё по порядку.

Он выбрал «Медицинская документация», ввёл номер полиса и нажал «Подтвердить».

Автомат задумался.

Потом выдал талон.

Андрей посмотрел на бумажку, словно та могла в любой

момент передумать и исчезнуть. На ней было написано: «Медицинская статистика. Кабинет 14. Номер 086».

Он усмехнулся и спрятал талон в карман.

Наконец-то.

Теперь оставалось только дождаться своей очереди.

Он сел на свободный стул возле двери и посмотрел на часы. Было четырнадцать двадцать три. Приём заканчивался в пятнадцать ноль-ноль.

В коридоре пахло хлоркой, мокрой одеждой и чьим-то обедом. Где-то хлопнула дверь, за стеной заплакал ребёнок, а женщина с записной книжкой громко сообщила кому-то по телефону, что она уже третий раз за неделю сидит в этой больнице и что если сегодня ей снова не выдадут нужную бумагу, она напишет жалобу в министерство.

Андрей откинулся на спинку стула и впервые за день позволил себе ничего не делать.

Он был жив. Он это знал. Чувствовал пульс, тяжесть тела, боль в пояснице от неудобного сиденья. Знал, что утром не позавтракал, что во рту остался привкус дешёвого кофе и что дома на столе лежит зарядка, которую он забыл взять с собой.

Всё это было настоящим.

И всё же где-то в этой больнице существовал документ, утверждавший обратное.

Андрей достал телефон и открыл переписку с Леной. Сообщение от вчерашнего вечера по-прежнему стояло послед-

ним. Он нажал на её имя, подержал палец над кнопкой вызова, но так и не нажал.

Сначала документы.

Потом звонок.

Потом он вернётся домой, купит нормальный кофе и постарается забыть этот день как дурной сон.

Из кабинета вышла медсестра с пачкой бумаг в руках.

- Следующий! Номер восемьдесят шесть!

Андрей поднялся.

Он был готов. Он был терпелив. Он был вооружён талоном и паспортом. Он даже почти перестал злиться.

Он подошёл к двери, постучал и вошёл.

За столом сидела женщина в очках, а на экране её компьютера было открыто его личное дело.

- Андрей Сергеевич Воронцов? - спросила она, не поднимая глаз.

- Да.

Она пролистала несколько страниц, нахмурилась и повернула монитор к себе.

- Странно.

Андрей почувствовал, как внутри что-то сжалось.

- Что именно?

Женщина ещё раз посмотрела на экран, затем на него.

- У нас здесь два свидетельства о смерти на одного человека.

Она сказала это буднично, почти безразлично, как если бы

сообщала, что в базе обнаружилось два одинаковых адреса.

Андрей не сразу нашёлся с ответом.

- Два?

- Да. Одно оформлено вчера вечером. Второе - сегодня утром.

- На меня?

- Фамилия, имя, дата рождения совпадают.

- А время смерти?

Женщина прокрутила страницу.

- В первом указано двадцать три сорок восемь. Во втором время не заполнено.

Андрей медленно опустился на стул.

- А кто оформил второе?

Женщина открыла ещё одну вкладку, посмотрела на экран и слегка пожала плечами.

- Вот этого я не понимаю. Здесь не указано отделение.

Она нажала несколько клавиш, подождала и снова нахмурилась.

- И ещё странно... Второе свидетельство зарегистрировано сегодня в восемь шестнадцать.

Андрей посмотрел на неё.

Восемь шестнадцать.

Время, когда он получил уведомление на Госуслугах.

Женщина продолжала что-то искать в компьютере, не замечая, как он побледнел.

- Подождите минуту, я сейчас уточню.

Она встала и вышла из кабинета, оставив дверь приоткрытой.

Андрей сидел неподвижно, глядя на экран, где всё ещё светилась его фамилия. Он не мог разобрать мелкий текст, но видел две строки с одинаковыми персональными данными и разными номерами документов.

В коридоре кто-то рассмеялся. Женщина с записной книжкой возмущённо спорила с регистратурой. Из динамика над дверью вызвали следующий талон.

Обычный больничный день продолжался.

Андрей достал телефон и открыл уведомление о смерти. Время получения - 08:16. Дата смерти - 23 августа 2026 года. Время - 23:48.

Он перечитал эти цифры, потом посмотрел на экран компьютера.

Второе свидетельство было зарегистрировано в тот же момент, когда государство сообщило ему, что он умер.

Андрей попытался придумать объяснение. Ошибка синхронизации. Дублирование записи. Сбой базы. Что угодно. Он перебирал варианты с привычной настойчивостью человека, который всю жизнь решал проблемы, находя в них слабое место.

Но все варианты упирались в один вопрос.

Если первое свидетельство оформлено вчера вечером, то кто оформил второе сегодня утром?

И почему в нём не было указано время смерти?

Женщина вернулась через несколько минут. Теперь она выглядела не раздражённой, а растерянной.

- Слушайте, Андрей Сергеевич, я не могу вам это выдать.

- Почему?

- Потому что второго документа как будто нет.

- Но вы только что его видели.

- Да. Он отображается в системе, но номер не открывается. Я позвонила в архив, они его не находят.

- А в отделении?

- Каком отделении?

- Вы сказали, что документ зарегистрирован сегодня утром. Кто его зарегистрировал?

Женщина снова посмотрела на монитор.

- В том-то и дело, что здесь нет ни фамилии, ни отделения. Только время регистрации и ваши данные.

Андрей почувствовал, как по спине медленно пробежал холодок.

- А удалить его можно?

- Что?

- Второе свидетельство. Можно удалить?

Женщина покачала головой.

- Я не имею права удалять медицинские документы.

- А кто имеет?

- Не знаю. Нужно уточнять у руководства.

- У какого руководства?

Она посмотрела на него с усталостью.

- Андрей Сергеевич, я понимаю, что ситуация неприятная, но вы должны понимать, что я не могу решать такие вопросы самостоятельно.

Он кивнул. Конечно. Она не могла. Никто не мог. В этом и заключалась проблема.

Андрей поднялся, поблагодарил её и вышел в коридор.

На этот раз он не стал возвращаться к старшему администратору, не пошёл к автомату и не попытался найти ещё один кабинет. Он просто остановился у окна и посмотрел на больничный двор.

Снаружи всё выглядело как прежде. Люди ходили между корпусами, санитарка выкатывала тележку с бельём, возле входа курил мужчина в спортивном костюме. На скамейке сидела женщина с ребёнком. Солнце пробивалось сквозь облака, освещая мокрый асфальт и жёлтые листья под деревьями.

Андрей достал телефон и посмотрел на время.

Четырнадцать сорок семь.

Он приехал сюда, чтобы доказать, что жив. Вместо этого обнаружил, что система дважды зарегистрировала его смерть, причём второй раз - в момент, когда сообщила ему об этом.

Он снова открыл переписку с Леной.

Палец завис над кнопкой вызова.

На этот раз Андрей нажал.

Телефон гудел долго. Он уже решил, что она не ответит,

когда в динамике раздался знакомый голос:

- Андрей?

Он закрыл глаза.

- Лен, ты помнишь, что вчера вечером мы переписывались?

На другом конце повисла тишина.

- Лена?

- Помню, - наконец ответила она.

Андрей выдохнул. Он не осознавал, насколько сильно надеялся услышать именно это, пока не услышал.

- Хорошо. Слушай, тут такая хрень...

- Ты где?

Он удивился вопросу.

- В больнице.

- В какой?

- В нашей. На Лесной.

Лена снова замолчала. Андрей слышал её дыхание, тихое шуршание ткани, какой-то звук на заднем плане - будто она передвигала что-то тяжёлое по полу.

- Андрей, - сказала она наконец, - тебе нужно оттуда уйти.

Он нахмурился.

- Что?

- Просто уходи. Сейчас.

- Лен, ты меня пугаешь.

- Пожалуйста.

В её голосе не было паники. Это было хуже. Она говорила

тихо, почти спокойно, но Андрей знал её достаточно хорошо, чтобы услышать за этим спокойствием что-то, чего она не хотела произносить вслух.

- Ты знаешь, что происходит? - спросил он.

Она не ответила.

- Лена, у меня здесь два свидетельства о смерти. Два. Одно вчерашнее, другое сегодняшнее. Я не понимаю, как это вообще возможно.

На другом конце раздался короткий вдох.

- Ты видел второе?

- Да.

- И что там было?

- Мои данные. Моя фамилия. Время регистрации - восемь шестнадцать. А времени смерти нет.

Лена долго молчала.

Потом тихо спросила:

- Ты уже видел его?

Андрей почувствовал, как у него похолодели пальцы.

- Кого?

Она словно хотела что-то сказать, но передумала.

- Ничего. Послушай меня. Не ходи в морг.

Он посмотрел в окно. За больничным двором, за четвёртым корпусом, стояло серое здание с узкими окнами. Теперь Андрей не мог отделаться от ощущения, что кто-то смотрит на него из-за этих стёкол.

- Почему? - спросил он.

- Потому что тебе не нужно его видеть.

- Кого, Лена?

Она не ответила.

- Лен, ты знаешь, кто там лежит?

В трубке было тихо. Потом он услышал её голос - совсем тихий, почти шёпот:

- Андрей, ты должен мне поверить.

Связь оборвалась.

Он ещё несколько секунд держал телефон у уха, слушая короткие гудки. Потом медленно опустил руку.

В коридоре снова объявили номер талона. Кто-то громко попросил не занимать очередь за родственников, кто-то ответил, что стоял здесь с половины шестого, и пусть попробуют только его подвинуть. Медсестра прошла мимо с папкой документов, не взглянув на Андрея.

Всё было по-прежнему.

Только теперь Андрей знал, что Лена чего-то боится. И что она знает больше, чем говорит.

Он посмотрел на часы. Без десяти три.

До закрытия приёмной оставалось десять минут. До конца рабочего дня - ещё несколько часов. До вечера - целая жизнь, если верить календарю.

Андрей убрал телефон в карман и направился к выходу.

Он больше не собирался просить разрешения узнать, что с ним произошло.

Если больница не могла объяснить, почему он умер два-

жды, значит, придётся искать ответ там, где лежал человек, чьё имя носило его тело.

Глава 5

Андрей вышел из больницы в половине третьего, имея при себе паспорт, талон с истёкшим временем приёма и новое убеждение: если однажды человечество всё-таки уничтожит себя, то перед этим обязательно оформит соответствующее заявление в двух экземплярах, а потом отправит кого-нибудь за недостающей печатью.

На улице моросил дождь. Не настоящий, основательный дождь, после которого город хотя бы становится чище, а мелкая холодная дрянь, способная испортить настроение даже человеку, который утром ещё не знал, что умер. Капли оседали на лобовом стекле припаркованных машин, асфальт потемнел, а возле остановки трое школьников пытались укрыться под одним зонтом, который явно предназначался для одного человека и, судя по состоянию, уже давно мечтал уйти на пенсию.

Андрей остановился под козырьком больничного входа и достал телефон.

Лена не перезвонила.

Он открыл переписку, посмотрел на последнее сообщение, потом на время вызова. Разговор длился две минуты и сорок семь секунд. За это время Лена успела напугать его сильнее, чем все сотрудники больницы вместе взятые, хотя толком ничего не объяснила.

«Не ходи в морг».

Отлично.

Прекрасный совет, если учесть, что единственное место, где он мог получить ответы, находилось именно там. Андрей не собирался немедленно бежать за четвёртый корпус и ломиться в закрытые двери. Он не настолько сошёл с ума, чтобы считать собственное любопытство достаточным основанием для проникновения в морг. Но теперь у него была причина вернуться туда завтра - и, желательно, не одному.

Он набрал Лену ещё раз.

Телефон долго гудел, затем вызов сбросился.

Андрей убрал его в карман.

- Ну конечно, - пробормотал он. - Умереть оказалось проще, чем дозвониться до бывшей.

Он сам не понял, почему назвал её бывшей. Наверное, потому, что они действительно расстались. Или потому, что слово «Лена» сейчас означало слишком много вещей, с которыми он не хотел разбираться одновременно. Их отношения закончились давно, без громких сцен и разбитой посуды. Просто в какой-то момент они перестали быть людьми, которым необходимо делиться каждым вечером, каждой новостью и каждой глупостью, произошедшей за день. Потом перестали звонить друг другу без повода. Потом стали поздравлять с днём рождения короткими сообщениями. Потом иногда встречались, пили кофе, разговаривали о работе и погоде, словно всё самое важное между ними уже случилось и

теперь оставалось только поддерживать вежливый огонь на пепелище.

Но вчера вечером она написала ему первой.

«Ты опять не спишь?»

И он ответил.

В 23:54.

Через шесть минут после того, как официально перестал существовать.

Андрей достал телефон и снова открыл сообщение. Он знал, что оно никуда не денется. Уже проверял утром, проверял в автобусе, проверял, пока ждал приёма. И всё равно каждый раз испытывал странное облегчение, когда видел эти два коротких сообщения на экране. Они были маленьким доказательством того, что хотя бы одна часть вчерашнего вечера не принадлежала чужой фантазии.

Он помнил квартиру, свет настольной лампы, видео на YouTube, которое смотрел перед сном. Помнил, как собирался выключить компьютер, но решил посмотреть ещё одно. Помнил, что хотел написать Лене раньше, однако передумал, потому что не знал, с чего начать. Помнил всё это так отчётливо, что мысль о смерти казалась дурной шуткой, которую кто-то затянул слишком надолго.

Если бы он действительно умер, то должен был хотя бы заметить момент, когда это произошло.

Хотя, если подумать, Андрей никогда не встречал людей, которые могли бы подробно рассказать о собственном уми-

рании и затем вернуться домой, чтобы поделиться впечатлениями.

Он посмотрел на часы.

Пора было что-нибудь съесть.

С этой мыслью он направился к небольшому кафе через дорогу от больницы. Вывеска обещала горячие обеды, домашнюю выпечку и кофе, который, судя по всему, тоже был домашним, поскольку в заведении стоял такой запах, будто кто-то варил его в кастрюле на кухне и периодически забывал о существовании воды.

Внутри оказалось тепло. На окнах висели короткие занавески с цветочным рисунком, возле кассы стояла стеклянная витрина с пирожками, а на стене висели фотографии блюд, которые выглядели заметно счастливее своих настоящих версий. За одним столиком сидели две медсестры, за другим мужчина в рабочей куртке ел суп, уткнувшись в телефон. В дальнем углу пожилая пара делила порцию картошки с котлетой и обсуждала цены на лекарства.

Андрей выбрал свободный столик у окна и подошёл к кассе.

- Что будете?

- Кофе и что-нибудь поесть.

- Кофе какой?

- Такой, после которого не хочется пожаловаться в министерство.

Кассирша посмотрела на него без особого интереса.

- У нас растворимый.

- Тогда просто кофе.

- Пирожок будете?

Андрей посмотрел на витрину.

- С чем?

- С капустой, с картошкой, с мясом.

- А с мясом точно мясо?

- Молодой человек, вы заказывать будете или расследование проводить?

Он улыбнулся.

- С мясом.

- Сто восемьдесят рублей.

Андрей приложил карту к терминалу.

Тот пискнул и показал красную надпись.

«Операция отклонена».

Он попробовал ещё раз. Результат был тем же.

- Наличными, - сказала кассирша.

- У меня нет наличных.

- Тогда ничем помочь не могу.

- А если я вам покажу, что у меня есть деньги на счету?

- Мне всё равно. Терминал не принимает.

За его спиной уже стояла женщина с подносом. Она тяжело вздохнула, демонстративно посмотрела на часы и переступила с ноги на ногу.

Андрей убрал карту.

- Ладно. Извините.

Он отошёл от кассы и сел за столик у окна, ничего не купив. Через несколько минут к нему подошла официантка с тряпкой в руке.

- Вы заказали?

- Нет.

- Тогда не занимайте столик.

- Я сейчас уйду.

- Хорошо.

Она вытерла соседний стол, хотя он был совершенно чистым, и ушла обратно к кассе.

Андрей остался сидеть ещё минуту. За окном дождь усилился. По тротуару шли люди, пряча лица в воротники курток. У остановки автобус набирал пассажиров, и сквозь запотевшие стёкла были видны силуэты людей, стоявших плечом к плечу. На противоположной стороне улицы мужчина пытался завести старую машину, которая кашляла и дёргалась, словно тоже получила уведомление о смерти и теперь не могла решить, стоит ли продолжать.

Андрей вдруг поймал себя на мысли, что давно не был настолько обычным человеком.

Не потому, что он перестал им быть, а потому, что весь день его заставляли доказывать очевидное. Он хотел кофе - карта не работала. Хотел получить документ - не имел права его получать. Хотел поговорить с матерью - она не поверила, что он жив. Хотел поговорить с Леной - она сказала не ходить в морг и исчезла.

Он поднялся и вышел на улицу.

Дождь ударил по лицу холодными каплями. Андрей натянул капюшон и пошёл к остановке. В кармане лежал паспорт, телефон и талон на приём, который уже никому не был нужен. Он мог бы вернуться домой, но не хотел. В квартире было слишком тихо, а тишина сегодня казалась ему подозрительной.

Он решил зайти в банк.

Не потому, что рассчитывал добиться успеха. Просто банк находился неподалёку, и Андрей хотел услышать от живого человека, почему его собственные деньги больше ему не принадлежат. Возможно, ему удастся получить выписку, письменное подтверждение блокировки или хотя бы фамилию сотрудника, которому можно будет предъявить претензию. Если система считала его умершим, то он собирался собрать достаточно доказательств, чтобы однажды заставить её передумать.

От больницы до отделения банка было около пятнадцати минут пешком. Андрей шёл по мокрому тротуару, обходя лужи, и постепенно начал замечать, что люди не особенно обращают на него внимание. Впрочем, они и раньше не обращали. В большом городе каждый занят собственными делами, и чужой человек на улице интересует окружающих примерно настолько же, насколько их интересует номер дома, мимо которого они проходят.

У перекрёстка Андрей остановился на красный свет. Ря-

дом стояла девушка с наушниками, мужчина с пакетом из продуктового магазина и мальчик лет десяти, который держал в руках пластикового динозавра. Мальчик посмотрел на Андрея, потом на динозавра, затем снова на Андрея.

- Мам, смотри, у дяди такой же рюкзак, как у папы.

Женщина, стоявшая рядом, даже не повернула головы.

- Не мешай людям.

- Но смотри.

- Я сказала, не мешай.

Мальчик замолчал и отвернулся.

Андрей посмотрел на свой рюкзак. Обычный чёрный рюкзак, купленный несколько лет назад на распродаже. Он не был похож ни на чей-то особенный, не имел ярких нашивок и не мог вызвать у ребёнка столь живой интерес. Но Андрей не придал этому значения. Дети замечают странные вещи, взрослые часто не обращают внимания, а дождь способен заставить человека сказать что угодно.

Загорелся зелёный.

Андрей перешёл дорогу.

В банке было почти пусто. За стеклянной перегородкой сидела девушка в белой блузке, перед ней стояли два монитора и небольшой горшок с искусственным растением. На стене висел плакат о безопасности персональных данных, рядом - реклама кредита с улыбающейся семьёй, которая выглядела так, будто только что выиграла миллион и теперь не знала, куда его потратить.

Андрей взял талон и сел ждать.

Через несколько минут на табло появился его номер.

- Добрый день, - сказала сотрудница. - Чем могу помочь?

- Мой счёт заблокирован. Я хотел бы узнать причину и получить выписку.

- Паспорт, пожалуйста.

Он протянул документ.

Девушка открыла его, ввела данные и некоторое время смотрела в монитор.

- У вас ограничен доступ к счетам в связи со смертью владельца.

- Да, я знаю. Я хотел бы оспорить это решение.

- Для этого необходимо обратиться к нотариусу.

- Зачем?

- Для оформления наследственных прав.

Андрей моргнул.

- Простите, каких прав?

- Наследственных.

- Я не собираюсь наследовать собственные деньги.

Сотрудница подняла на него глаза.

- Я понимаю, но система не позволяет мне провести операцию.

- Я не прошу вас проводить операцию. Я прошу выдать выписку.

- Выписку может получить владелец счёта или его законный представитель.

- Я владелец счёта.

Она повернула монитор к себе.

- По нашим данным, вы умерли.

- У вас сегодня какой-то корпоративный лозунг?

Девушка нахмурилась.

- Я не понимаю.

- Ничего. Давайте так. Я могу показать вам, что я живой?

- Это не имеет значения.

Андрей замолчал.

Она произнесла эти слова без злобы, даже с некоторым сочувствием. И именно поэтому они прозвучали страшнее, чем если бы она просто послала его к чёрту.

- То есть, - медленно сказал Андрей, - я могу стоять перед вами, разговаривать, дышать, предъявлять паспорт, а вы всё равно не можете признать, что я владелец счёта?

- Я не могу изменить сведения в системе.

- А кто может?

- Нотариус. Или уполномоченный государственный орган.

- Какой именно?

- Вам нужно уточнить.

- Где?

- В соответствующем ведомстве.

Андрей посмотрел на неё.

Она посмотрела на него.

Потом девушка слегка улыбнулась, словно надеялась, что этот разговор закончится сам собой.

- У вас ещё вопросы?

Андрей забрал паспорт.

- Нет. На сегодня у меня достаточно.

Он вышел из банка и остановился под козырьком. Дождь почти закончился, но воздух оставался холодным. На улице зажигались фонари, и мокрый асфальт отражал их жёлтый свет. Люди торопились домой, прятали телефоны в карманы, поправляли шарфы и ругались на пробки. У входа в банк стоял мужчина с букетом цветов, который он держал обеими руками, чтобы не намочить лепестки.

Андрей достал телефон.

На экране было уведомление от матери.

«Не звони мне больше».

Он прочитал сообщение дважды, затем открыл переписку, но больше ничего не написал. Не потому, что обиделся. Просто не знал, что можно сказать человеку, который уже видел твою смерть и теперь боится услышать твой голос.

Телефон завибрировал.

Звонила Лена.

Андрей ответил сразу.

- Лен?

- Ты где?

- Возле банка.

- Ты ходил в морг?

- Нет.

- Хорошо.

Он нахмурился.

- Ты можешь объяснить, что происходит?

На другом конце было слышно, как она куда-то идёт. Шаги отдавались глухо, будто она находилась в длинном коридоре.

- Не по телефону.

- Почему?

- Потому что я не знаю, кто ещё может нас слышать.

Андрей невольно оглянулся. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Мужчина с букетом ушёл, автобус остановился у перекрёстка, водитель открыл двери. Всё выглядело совершенно нормально.

- Лен, я сегодня провёл четыре часа в больнице. Меня отправляли из кабинета в кабинет, я пытался получить направление, потом нашёл два свидетельства о смерти на своё имя. Одно вчерашнее, другое сегодняшнее. И теперь ты говоришь, что кто-то может нас слышать?

- Я знаю.

- Откуда?

Она замолчала.

Андрей сжал телефон сильнее.

- Лена, я не собираюсь играть в загадки. Если ты знаешь что-то, скажи.

- Я не могу.

- Не можешь или не хочешь?

- Андрей, пожалуйста. Просто встреться со мной.

Он посмотрел на часы. Было почти пять.

- Где?

- У старого парка. Там, где мы раньше гуляли.

Андрей не сразу ответил. Он помнил этот парк. Небольшой, с узкими дорожками, старыми липами и прудом, в котором летом плавали утки. Они с Леной часто гуляли там после работы, когда ещё жили вместе. Иногда покупали мороженое, иногда просто ходили кругами, обсуждая всё подряд. В последний раз они были там, кажется, два года назад.

- Во сколько?

- Через час.

- Хорошо.

- И Андрей...

- Да?

- Не заходи сегодня домой.

Он замер.

- Что?

- Просто не заходи. Переночуй где-нибудь. У друга, в гостинице, где угодно. Только не возвращайся домой сегодня.

- Лена, ты меня уже достала. Что, чёрт возьми, происходит?

Она не ответила сразу. Когда заговорила снова, голос у неё был тихим и усталым.

- Я пытаюсь сделать так, чтобы ты не увидел того, чего пока не должен видеть.

- А что я не должен видеть?

- Себя.

Связь оборвалась.

Андрей стоял под козырьком банка и смотрел на потухший экран. На этот раз он не стал перезванивать.

Он не знал, что Лена имела в виду. Не знал, почему она боится морга, почему просит его не возвращаться домой и почему говорит так, будто всё происходящее уже случалось раньше. Он знал только одно: сегодня утром он проснулся обычным человеком, а к вечеру у него не осталось ни работы, ни доступа к деньгам, ни уверенности в том, что его мать хочет с ним разговаривать.

И теперь бывшая девушка просила его не смотреть на самого себя.

Андрей медленно убрал телефон в карман.

Он мог бы пойти домой. Мог бы вызвать такси, подняться в квартиру, включить свет, проверить замки и убедиться, что всё на месте. Мог бы лечь на диван и попытаться уснуть, надеясь, что завтра всё станет понятнее.

Но он вспомнил второе свидетельство о смерти.

Восемь шестнадцать утра.

И слова Лены: «Ты должен мне поверить».

Андрей посмотрел на дорогу, где в сумерках двигались машины, и впервые за весь день понял, что больше не может позволить себе считать происходящее обычной ошибкой.

Он направился к остановке.

До встречи с Леной оставался час.

Глава 6

К старому парку Андрей приехал за десять минут до назначенного времени. Автобус высадил его на противоположной стороне улицы, возле круглосуточной аптеки, где над входом мигал зелёный крест. Дождь наконец закончился, но город ещё не успел высохнуть: вода блестела на тротуарах, в выбоинах отражались фонари, а машины, проезжая по лужам, окатывали грязной водой припаркованные у обочины автомобили. Над крышами домов висели тяжёлые облака, окрашенные вечерним светом в цвет старой жести.

Андрей постоял на остановке, наблюдая, как люди расходятся по домам. Уставшие мужчины с пакетами продуктов, женщины с детьми, подростки, которые шли по двое и втроём, занимая весь тротуар и разговаривая так громко, словно вокруг не существовало никого, кроме них самих. Из открытого окна первого этажа доносилась музыка, а возле подъезда соседнего дома две бабушки обсуждали чью-то неудачную стрижку. Обычный вечер, каких он пережил сотни.

Странно, но именно это сейчас раздражало Андрея сильнее всего.

Он не хотел, чтобы мир продолжал жить как ни в чём не бывало. Ему хотелось, чтобы хотя бы один человек на улице остановился, посмотрел на него и спросил, всё ли в порядке. Не потому, что он рассчитывал получить помощь, а потому,

что тогда у него появился бы повод ответить: нет, не в порядке, вообще ни хрена не в порядке, меня сегодня дважды похоронили на бумаге, мать не верит, что я жив, банк считает мои деньги наследством, а больница не может выдать мне справку о том, что я не лежу в собственном морге.

Но никто не спрашивал.

Люди проходили мимо, погружённые в свои заботы, и Андрей вдруг понял, что завидует им. Он тоже хотел думать о том, что купить на ужин, сколько осталось до зарплаты, почему сосед сверху опять сверлит стену после девяти вечера. Хотел злиться на пробки, жаловаться на погоду и ругаться из-за подорожавшего кофе. Хотел, чтобы самая большая проблема этого дня заключалась в том, что он забыл дома зонт.

Вместо этого ему предстояло встретиться с Леной, которая говорила загадками и явно знала что-то такое, о чём не собиралась рассказывать по телефону.

Андрей перешёл дорогу и вошёл в парк.

За несколько лет здесь почти ничего не изменилось. Те же широкие липы вдоль главной аллеи, те же скамейки с облупившейся краской, тот же пруд, в котором вода даже летом выглядела так, словно её несколько десятилетий не меняли. Правда, теперь у входа стояли новые фонари, а вдоль дорожек установили металлические урны с гербом города. Кто-то успел разрисовать одну из них чёрным маркером, добавив к официальному символу пару рогов и надпись, которую Ан-

дрей не стал читать до конца.

На детской площадке никого не было. Качели медленно раскачивались от ветра, хотя рядом не находилось ни одного ребёнка. В песочнице лежал забытый красный совок, а на скамейке возле горки кто-то оставил плюшевого зайца с оторванным ухом. Андрей задержал на нём взгляд, подумав, что утром его обязательно найдёт какой-нибудь ребёнок, который сначала расстроится, потом забудет о потере, а вечером снова вспомнит и потребует купить точно такого же.

В детстве Андрей тоже терял игрушки. Однажды он оставил на автобусной остановке маленькую машинку, которую отец подарил ему на день рождения. Они вернулись за ней через час, но машинки уже не было. Андрей тогда плакал, а отец сказал, что некоторые вещи исчезают не потому, что кто-то их забирает, а потому, что мы сами перестаём за ними следить.

Много лет спустя Андрей понял, что отец просто не знал, что ещё сказать ребёнку.

Он прошёл по главной аллее и свернул к пруду.

Лена сидела на той самой скамейке, где они когда-то провели почти весь вечер, пытаясь решить, стоит ли им съезжаться. Тогда она считала, что сначала нужно научиться жить вместе, а потом уже принимать серьёзные решения. Андрей утверждал, что жить вместе и есть самый надёжный способ выяснить, способны ли они на серьёзные решения. В итоге они переехали друг к другу через три месяца, а ещё

через четыре года разошлись.

Впрочем, сейчас это казалось историей из чужой жизни.

Лена была одета в тёмное пальто, которое Андрей раньше не видел, и держала в руках бумажный стаканчик. Волосы у неё были собраны на затылке, несколько прядей выбились и прилипли к щеке. Она смотрела на воду, где медленно кружились опавшие листья, и не заметила его приближения.

Андрей остановился в нескольких шагах.

- Ты заказала мне кофе?

Лена вздрогнула и повернулась.

На её лице появилось такое выражение, словно она увидела человека, которого очень долго ждала, но до последнего не верила, что он придёт.

- Нет, - сказала она. - Я не знала, будешь ли ты.

- Я тоже не знал. Но потом решил, что раз уж мне сегодня всё равно некуда деваться, можно хотя бы получить объяснения.

Он сел рядом.

Несколько секунд они молчали. Андрей смотрел на пруд, Лена - на свои руки. Между ними лежал свободный участок скамейки, на котором когда-то они оставляли сумки, куртки и пакеты с едой. Теперь там ничего не было, и Андрей почему-то заметил именно это.

- Ты выглядишь ужасно, - сказала Лена.

- Спасибо. Я весь день старался.

Она едва заметно улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

- Ты ел сегодня?

- Пытался. Банк не одобрил.

Лена повернулась к нему.

- Что?

- Длинная история. Если коротко, я теперь не могу купить даже пирожок. Мои деньги официально принадлежат кому-то, кто, по версии государства, является мной, но при этом не имеет права распоряжаться собственными деньгами, потому что он умер.

- Андрей...

- Нет, погоди. Я ещё не закончил. У меня есть паспорт, есть телефон, есть отпечатки пальцев, есть квартира, в которой я прожил последние шесть лет, и есть мать, которая вчера разговаривала со мной по телефону, а сегодня сказала, что видела меня мёртвым. У меня даже есть талон на приём, который я получил после четырёх часов беготни по больнице. Знаешь, что написано на талоне?

- Не знаю.

- Номер восемьдесят шесть. Я, видимо, восемьдесят шестой человек, который умер и решил пожаловаться.

Лена не засмеялась. Она смотрела на него с таким вниманием, будто пыталась запомнить каждое слово.

Андрей отвернулся.

- Я не понимаю, что происходит. И я не понимаю, почему ты ведёшь себя так, словно знаешь ответ.

Лена опустила глаза.

- Я не знаю всего.

- Но что-то знаешь.

- Да.

- Тогда расскажи.

Она долго молчала. Где-то за деревьями проехал велосипедист, звякнул звонок, и по дорожке пробежала собака, волоча за собой поводок. Хозяин, молодой парень в спортивной куртке, окликнул её, извинился перед прохожими и скрылся за поворотом.

Андрей ждал.

- Ты помнишь, как мы познакомились? - спросила Лена.

Он нахмурился.

- Конечно.

- Расскажи.

- Лен, мы познакомились на дне рождения Игоря. Он пригласил меня, хотя я его терпеть не мог, потому что он постоянно занимал деньги и забывал возвращать. Ты пришла с какой-то подругой, которая весь вечер рассказывала про своего начальника. Мы сидели на кухне, ты пила вино из кружки, потому что все стаканы закончились, и спорила со мной о том, можно ли считать пиццу полноценным ужином.

- И что ты сказал?

- Что пицца - это полноценный ужин, если съесть её достаточно много.

Лена слабо улыбнулась.

- Ты ещё сказал, что человек, который придумал доставку

еды, заслуживает памятник.

- Я был молод и полон идеализма.

- А потом ты проводил меня домой.

- Потому что ты забыла, где оставила куртку.

- Я не забыла. Ты сам её забрал.

Андрей замолчал.

Он помнил тот вечер. Помнил кухню, запах дешёвого вина, громкую музыку из соседней комнаты, Игоря, который пытался объяснить кому-то устройство фондового рынка, хотя сам задолжал деньги половине присутствующих. Помнил, как Лена смеялась, запрокидывая голову, и как они потом шли по ночной улице, споря о том, какая музыка лучше подходит для поездки на машине.

Он помнил всё это так ясно, что не понимал, зачем она заставляет его пересказывать очевидные вещи.

- К чему ты ведёшь?

Лена посмотрела на него.

- Ты помнишь всё, что было между нами?

- Не всё. Я, например, не помню, куда делась моя любимая футболка. Но подозреваю, что ты её выбросила.

- Она порвалась.

- Вот так и начинаются семейные трагедии.

Она снова не засмеялась.

Андрей почувствовал, как раздражение медленно сменяется тревогой.

- Лен, что происходит?

Она поставила стаканчик на скамейку рядом с собой и сцепила руки.

- Сегодня утром мне позвонила твоя мать.

Андрей перестал двигаться.

- Когда?

- Около девяти.

- Что она хотела?

- Спросила, не звонил ли ты мне вчера вечером.

- И что ты ответила?

- Что звонил.

- Она сказала, что я умер?

Лена кивнула.

- Она сказала, что видела тебя.

Андрей посмотрел на неё, вспомнив утренний разговор с матерью. Её голос, сорвавшийся на плач. Слова, которые она повторяла снова и снова, словно надеялась, что от повторения они станут менее страшными.

«Я сегодня его видела».

- Лена, - тихо сказал он, - кто именно лежит в морге?

Она закрыла глаза.

- Я не знаю, как тебе это объяснить.

- Попробуй начать с простого.

- Там человек, которого считают тобой.

- Это я уже понял.

- Нет, Андрей. Ты не понял.

Он почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

- Тогда объясни.

Лена открыла глаза и посмотрела прямо на него.

- Твоя мать была на опознании.

Андрей не сразу понял смысл сказанного.

- На каком опознании?

- В больнице. Сегодня утром.

- Она опознала меня?

Лена молчала.

- Лен, она опознала меня?

- Да.

Ветер прошёлся по кронам деревьев. Где-то рядом скрипнула скамейка, хотя никто не садился. Андрей смотрел на Лену и пытался найти в её лице хоть какой-нибудь признак того, что она шутит, ошибается или пересказывает чужие слова. Но она не отворачивалась и не пыталась смягчить сказанное.

- Это невозможно, - произнёс он наконец. - Она вчера разговаривала со мной. Она слышала мой голос. Она знает, как я выгляжу.

- Я знаю.

- Тогда как она могла опознать меня?

- Я не знаю.

- Ты только что сказала, что не знаешь, кто лежит в морге. Но ты знаешь, что моя мать опознала меня. Откуда?

Лена отвела взгляд.

- Она позвонила мне после больницы. Сказала, что всё за-

кончилось. Что теперь она хотя бы знает, где ты.

Андрей почувствовал, как холодеют руки.

- Где я?

- Да.

- Но я здесь.

- Я вижу.

- Тогда почему она говорит, что знает, где я?

Лена не ответила.

Андрей поднялся со скамейки и прошёл несколько шагов вдоль дорожки. Ему хотелось двигаться, потому что сидеть на месте было невозможно. Он провёл ладонью по лицу, остановился у перил возле пруда и посмотрел на тёмную воду. В отражении дрожали фонари, ветки деревьев и кусок серого неба.

Он был здесь. Он стоял на ногах, чувствовал холодный ветер, слышал шум машин за оградой парка. У него болела поясница после долгого сидения, в кармане лежал телефон, а в желудке урчало от голода.

Он был жив.

И всё же его мать сегодня смотрела на чьё-то тело и называла его сыном.

- Ты понимаешь, что это значит? - спросил он, не оборачиваясь.

- Да.

- Тогда скажи.

- Не могу.

Андрей резко повернулся.

- Почему? Что такого ты знаешь, чего не можешь мне сказать?

Лена встала. На мгновение ему показалось, что она хочет подойти, но она осталась возле скамейки.

- Потому что ты не поверишь.

- Я сегодня четыре часа доказывал людям, что я жив, а они не могли выдать мне справку, потому что я числюсь умершим. Я уже готов поверить в любую хрень, лишь бы она объясняла происходящее.

- Нет, Андрей. Ты готов поверить в любую хрень, которую сможешь объяснить.

Он хотел возразить, но не нашёлся.

Лена подошла к нему и остановилась рядом. От неё пахло дождём, холодным воздухом и чем-то знакомым, едва уловимым, что Андрей не мог вспомнить. Он посмотрел на её лицо и вдруг понял, что давно не видел её так близко. Не на экране телефона, не за столиком кафе, не в коротких встречах, когда они обменивались новостями и расходились каждый по своим делам. Здесь, под старыми липами, она выглядела почти такой же, как несколько лет назад.

Только глаза у неё были другими.

Усталость в них не походила на обычную усталость человека, который плохо спал или много работал. Она была глубже, словно Лена несла на себе что-то тяжёлое уже очень давно и давно перестала надеяться, что однажды сможет это

снять.

- Ты мне веришь? - спросила она.

Андрей хотел сказать «да». Хотел ответить сразу, не задумываясь, как отвечал раньше, когда она спрашивала, любит ли он её, скучает ли, приедет ли вечером. Но теперь каждое простое слово казалось ловушкой.

- Я хочу тебе верить.

Лена кивнула, словно именно такого ответа и ожидала.

- Тогда сегодня не возвращайся домой.

- Почему?

- Потому что там кое-что изменилось.

- Что?

- Я не могу объяснить по телефону. И не хочу объяснять здесь.

- А где хочешь?

Она достала из кармана сложенный листок бумаги и протянула ему.

Андрей развернул его. Это была обычная квитанция из магазина, на обратной стороне которой ручкой был написан адрес. Он узнал улицу почти сразу. Там находился старый дом, в котором Лена жила до их знакомства, - двухэтажное здание с деревянными перекрытиями и узкими лестницами, где зимой пахло углём, а летом в подъезде всегда стояла чья-то обувь.

- Зачем мне туда?

- Я буду ждать тебя в десять.

- Лена, я не собираюсь ходить по городу и искать ответы по запискам. Если ты хочешь мне помочь, просто скажи, что происходит.

Она посмотрела на него с такой печалью, что Андрей почувствовал себя виноватым, хотя не понимал, за что именно.

- Я пытаюсь помочь тебе, - сказала она. - Но ты должен понять одну вещь. Сегодня утром всё изменилось не потому, что государство ошиблось. Государство просто первым сообщило тебе правду.

Андрей долго смотрел на неё.

- Какую правду?

Лена не ответила. Она подняла стаканчик с остывшим кофе, выбросила его в урну и поправила воротник пальто.

- Мне пора.

- Куда?

- Домой.

- Я могу тебя проводить.

Она покачала головой.

- Не надо.

- Почему?

- Потому что ты не должен знать, где я сейчас живу.

Андрей замер.

Лена словно сама испугалась собственных слов. Она отвела глаза, сделала шаг назад и тихо добавила:

- Прости. Я не это хотела сказать.

- А что ты хотела сказать?

Она посмотрела на него ещё раз.

- До десяти, Андрей.

Потом развернулась и пошла по дорожке в сторону выхода.

Андрей не стал её догонять. Он стоял возле пруда, сжимая в руке бумажку с адресом, и смотрел, как Лена удаляется между деревьями. В какой-то момент она прошла под фонарём, и свет упал на её лицо. Андрей успел заметить, что она не оглядывается.

Потом она свернула за поворот и исчезла из виду.

Он остался один.

На скамейке лежал забытый кем-то детский шарф. На воде плавали листья. Ветер раскачивал ветки лип, и над парком постепенно сгущались сумерки.

Андрей посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть.

До десяти оставалось четыре часа.

Он мог бы поехать к другу, но не хотел объяснять, почему ему негде ночевать. Мог бы снять номер в гостинице, но для этого нужны были деньги, а банковская карта превратилась в бесполезный кусок пластика. Мог бы вернуться домой, но Лена попросила его не делать этого, и теперь он не мог перестать думать о её словах.

«Сегодня утром всё изменилось не потому, что государство ошиблось. Государство просто первым сообщило тебе правду».

Андрей сложил записку и убрал её в карман.

Он ещё раз посмотрел на место, где исчезла Лена, потом направился к выходу из парка.

Ворота были открыты. За ними шумела улица, ехали машины, горели окна магазинов. На остановке стояли люди, ожидая автобуса. Один мужчина разговаривал по телефону и смеялся, женщина с двумя пакетами пыталась удержать зонт, который ветер выворачивал наизнанку.

Андрей вышел на тротуар и остановился.

Он не знал, куда идти.

Впервые за весь день у него не было следующего кабинета, следующего окна, следующего человека, который мог бы отправить его куда-нибудь ещё. Не было даже внятной задачи. Только адрес на клочке бумаги, встреча в десять и слова Лены, которые никак не укладывались в голове.

Он достал телефон и посмотрел на её контакт.

Потом убрал его обратно.

До десяти оставалось почти четыре часа. И Андрей решил, что сначала найдёт, где поесть, а потом будет думать о том, как провести ночь.

В конце концов, если он действительно умер, то голод от этого никуда не делся.

И это пока было единственным обстоятельством, которое казалось ему совершенно нормальным.

Глава 7

Первое, что обнаружил Андрей, - умереть оказалось значительно проще, чем поужинать.

В обычный день этот вопрос не заслуживал даже отдельной мысли. Человек выходил на улицу, заходил в магазин, выбирал что-нибудь съедобное, прикладывал карту к терминалу и возвращался к своим делам. Иногда он ругался на цены, иногда покупал лишнее, иногда обнаруживал дома, что забыл хлеб, хотя именно за ним и ходил. Жизнь состояла из таких мелочей, и Андрей никогда не подозревал, насколько много в ней держится на негласном соглашении между человеком и окружающим миром. Ты работаешь, платишь налоги, не устраиваешь революций в очередях и хотя бы иногда здороваешься с соседями - взамен тебе позволяют существовать.

Теперь соглашение расторгли, причём без предупреждения и, судя по всему, без компенсации.

Он стоял перед небольшим продуктовом магазином, разглядывая собственное отражение в стекле. За его спиной темнели мокрые деревья, на дороге медленно ползли машины, а внутри магазина пожилая женщина в пуховом жилете перекладывала яблоки из одного ящика в другой. На двери висела наклейка с перечёркнутыми наличными деньгами и надписью «Мы за удобство». Андрей посмотрел на неё с ува-

жением человека, которому только что объяснили, что удобство - привилегия живых.

В кармане у него нашлись сто восемьдесят рублей мелочью, две смятые купюры по пятьсот и чек из автомастерской, которую он посещал ещё весной. Деньги лежали в потайном отделении куртки, куда он когда-то сунул их на случай, если банкомат решит поиграть в демократию и не выдаст наличные. Андрей тогда посмеялся над собственной предусмотрительностью. Теперь ему хотелось вернуться в прошлое, пожать себе руку и сообщить, что тот запас однажды спасёт его от голодной смерти. Буквально. Или почти буквально - тут уж как посмотреть.

На тысячу сто восемьдесят рублей можно было прожить вечер, если не пытаться одновременно питаться, ночевать и оплачивать услуги адвоката, специализирующегося на делах с участием покойников.

Он купил два пирожка с капустой, бутылку воды и дешёвый кофе в бумажном стакане. Потом постоял у кассы, раздумывая над шоколадным батончиком, но решил, что не настолько ещё отчаялся, чтобы тратить деньги на радость.

На улице он съел один пирожок, обжигая язык и кроша тестом на куртку. Капуста была пересолена, тесто слегка резиновое, а кофе имел такой вкус, словно его заваривали на воде, в которой до этого стирали носки. Андрей ел с удовольствием.

Желудок не интересовался сведениями из государствен-

ного реестра. Ему не было дела до медицинских свидетельств, печатей и подписей. Он работал по старому договору, заключённому задолго до рождения самого Андрея, и отказывался признавать любые поправки. Если организм всё-таки решил сообщить хозяину, что тот умер, то выбрал для этого крайне неудачный способ.

Дождь почти закончился. С крыш ещё падали редкие капли, асфальт блестел под фонарями, а в воздухе стоял тот особенный запах позднего лета, когда нагретая за день земля наконец остывает. Где-то за домами лаяла собака. На остановке двое подростков спорили о каком-то видеоролике, не замечая ни прохлады, ни мокрых кроссовок, ни того, что один из них уже минут пять держал в руке пустую пачку чипсов и продолжал машинально заглядывать внутрь.

Андрей поймал себя на мысли, что завидует им.

У них были обычные проблемы. Не хватало денег на нормальную еду, родители доставали звонками, кто-то кому-то не отвечал в мессенджере, завтра предстояло идти на учёбу или работу. Они могли позволить себе злиться на ерунду, потому что никто не прислал им уведомление о том, что их больше нет.

Он достал телефон и открыл переписку с Леной.

Последнее сообщение по-прежнему висело в чате, как оставленная на столе записка.

Не возвращайся домой сегодня.

Андрей перечитал его ещё раз, хотя ничего нового там по-

явиться не могло.

Он набрал: «Ты можешь хотя бы объяснить, что происходит?»

Посмотрел на экран и стёр.

Набрал снова: «Я буду в десять».

Отправил.

Сообщение доставилось. Лена не ответила.

Он убрал телефон в карман и пошёл куда глаза глядят, потому что до десяти оставалось почти три часа, а сидеть на скамейке и смотреть на людей было занятием, которое быстро превращалось в дурную привычку.

Старый дом Лены находился на окраине района, где Андрей бывал всего несколько раз за всё время их знакомства. Он помнил его смутно: два этажа, облупившаяся штукатурка, деревянный забор и кривой тополь у калитки. Когда-то Лена рассказывала, что жила там с матерью, пока та не переехала к сестре в другой город. Потом дом продали, или собирались продать, или не смогли продать - Андрей никогда не вникал. В тот период их отношения уже трещали по швам, и подробности чужой недвижимости казались ему менее важными, чем выяснение, почему Лена третий день отвечает односложно и смотрит на него так, будто он постоянно забывает что-то действительно существенное.

Теперь он помнил тот разговор почти дословно, хотя прежде не смог бы воспроизвести и половины.

Странная вещь память. Она словно сидит внутри человека с фонариком и подсвечивает нужные места только после того, как поезд ушёл, мост сгорел, а вокзал признали объектом культурного наследия.

В половине восьмого Андрей нашёл круглосуточную пекарню рядом с автобусной остановкой. Купил чай, устроился за столиком у окна и попытался позвонить матери. Гудки шли долго. На шестом она отключила вызов.

Он не стал перезванивать.

Вместо этого открыл фотографии. Сначала попались рабочие снимки: разобранный двигатель, криво установленная полка, кот соседа, который однажды забрался к нему на балкон и уснул в пустой коробке. Андрей листал их без особой цели, пока не наткнулся на фотографию с Леной.

Они сидели на ступенях какого-то кафе. Лена щурилась от солнца, а Андрей держал в руке пластиковый стаканчик и изображал человека, которому только что сообщили о повышении зарплаты. Он помнил этот день. Помнил даже, что кофе оказался отвратительным, а Лена потом полчаса смеялась над тем, как он пытался незаметно вытереть пену с верхней губы.

На снимке всё было нормально.

Они были нормальными.

Он приблизил изображение. Сначала лицо Лены, потом своё. Ничего необычного: немного уставшие глаза, щетина, складка у рта, которую он замечал только на фотографиях.

Он выглядел человеком, который спит по шесть часов, ест что попало и слишком часто откладывает визит к стоматологу.

Человеком, которому предстояло прожить ещё лет сорок, если повезёт и если он наконец займётся зубами.

Андрей открыл сведения о фотографии. Дата - несколько лет назад. Геолокация не сохранилась. Никаких загадочных изменений, никаких пустых пространств вместо его фигуры. Никаких признаков, что изображение пытается сообщить ему нечто важное.

Он усмехнулся.

- Ну хоть где-то я существую, - сказал он.

Женщина за соседним столиком подняла голову.

- Простите?

- Да нет, ничего. Сам с собой разговариваю.

Она посмотрела на него с выражением человека, который давно подозревал, что окружающий мир окончательно сошёл с ума, и теперь получал очередное тому подтверждение.

Андрей допил чай.

К девяти часам он вышел из пекарни. Город тем временем перешёл в вечерний режим: в окнах зажглись жёлтые квадраты света, на балконах появились силуэты людей, возвращавшихся с работы или выносивших мусор. На перекрёстке мужчина в деловом костюме ругался по телефону, одновременно пытаясь открыть зонтик. Зонтик выворачивался наизнанку, ветер трепал полы пиджака, а мужчина с совершен-

но искренней ненавистью обещал кому-то, что завтра лично разберётся с этим вопросом.

Андрей невольно улыбнулся.

Завтра. Прекрасное слово. В нём помещалось столько уверенности, что иногда казалось, будто само произнесение этого слова продлевает жизнь.

Он поймал автобус и доехал до нужного района. От остановки пришлось пройти несколько кварталов по улице, где старые частные дома соседствовали с новыми многоквартирными коробками. Здесь город будто забыл, что собирался обновляться. Деревянные калитки, покосившиеся гаражи, огороды за сетчатыми заборами, спутанные провода над дорогой. На одном участке стояла детская горка, выцветшая до неопределённого цвета, а рядом росли две яблони, усыпанные мелкими плодами. За забором кто-то смотрел телевизор так громко, что Андрей различал смех закадровой аудитории.

Он сверился с адресом.

Ещё один поворот.

И вот тогда он увидел дом.

Первое впечатление было простым: Лена дала ему неправильный адрес.

Дом стоял в глубине участка за старым деревянным забором. Крыша просела посередине, штукатурка местами отвалилась большими пластами, обнажая кирпич. Окна первого этажа были тёмными. На втором одно стекло треснуло, а

другое отражало уличный фонарь, словно мутный глаз. Тополь, который Андрей помнил по прежним визитам, разросся так, что его ветви нависали над крышей.

Но дело было не в запустении. Люди могли оставить дом на несколько лет, могли уехать, забыть, не суметь продать. В этом не было ничего мистического. Андрей видел дома и похуже, а однажды снимал квартиру, где обои отходили от стен настолько равномерно, будто жильцы пытались выбраться наружу.

Нет, его смутило другое.

На месте, где должна была находиться калитка, торчали два ржавых столба. Между ними провисала цепь, а на ней висел старый замок. Забор вдоль улицы был частично разобран, и через широкий пролом можно было спокойно пройти во двор.

Андрей точно помнил калитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.